

Соединенный выпуск журналов:

„ГОЛОС ТОЛСТОГО И ЕДИНЕНИЕ“ И „ИСТИННАЯ СВОБОДА“

Посвящается 10-тилетию со дня смерти
Л. Н. ТОЛСТОГО.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

Отд. I. „Голос Толстого и Единение“ (№ 3-15) под редакцией В. Г. Черткова. ГОЛОС ТОЛСТОГО: Как и зачем жить. Л. Н. Толстого. Единственный верный руководитель. Мысли Л. Н. Толстого. ЕДИНЕНИЕ: Нужна ли правда об уходе Толстого? В. Г. Черткова. — Мое последнее свидание со Львом Николаевичем. М. П. Новикова. — Что сказал бы Толстой? В. Г. Черткова.

Отд. II. „Истинная Свобода“ (№ 7 Октябрь-Ноябрь, 1920 г.) под редакцией Вал. Булгакова и Алексея Сергеевича. Десять лет. П. Бирюкова. — О некоторых особенностях Толстого, как писателя, художника, мыслителя-философа и человека-праведника. Ф. А. Страхова. — Лекция „Толстой и Маркс“. — Толстовские дни в Москве и в провинции. — Вести пресбуждения. — Новые книги.

ГОЛОС ТОЛСТОГО.

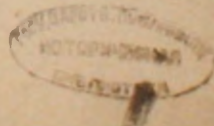
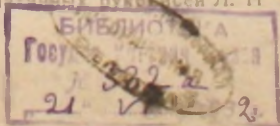
Как и зачем жить?*)

Малые дети не думают о том, как жить и зачем жить, а до 2-х, 3-х, 4-х лет живут, как зверьки: едят, играют, разминают члены, и только изредка проявляются в них свет разума и любви. Есть люди, которые и до 12, 14, 20, иногда и до 40 лет живут, как неразумные существа, отдаваясь своим страстям, отличаясь от животных только рассуждениями ума о видимых предметах, но не понимая смысла своей жизни и не думая о нем.

Если и находят на таких людей минуты и часы просветления, когда люди эти задумываются о смысле жизни, оглядываются на себя, спрашивают себя: что такое жизнь и зачем они живут, то, не находя ясных ответов на эти вопросы, минуты и часы эти проходят, не оставляя следов, и люди живут дальше и дальше, и когда в старости опять задают себе те же вопросы, уже так привыкли к той жизни, которую провели и ведут, так привыкли к тем оправданиям дурной жизни, которые дает себе боль-

*) Из черновых, ненапечатанных рукописей Л. Н. Толстого.

Ред.

шинство людей, что не только продолжают жить дурно, но и отгоняют от себя те разумные, вечные ответы на вопросы о том, как жить и зачем жить, которые дает истинная, единая для всех людей религия.

Мало того, что такие люди, живя дурно, сами лишают себя истинного и неотъемлемого у человека блага духовной, согласно с высшим законом, жизни, эти люди, особенно в возмужалости и старости, естественно по своему возрасту и положению руководят общественным мнением, все больше и больше утверждают следующие поколения в несвойственной разумному существу человеку, неразумной, животной жизни.

Несвойственная же людям жизнь производит среди людей все большие и большие страдания.

Вот поэтому и особенно важно то, чтобы наиразумнейшее, а потому и наипонятнейшее объяснение смысла жизни и вытекающего из него направления жизни человеческой было бы известно людям, распространено между ними и внушаемо и детям и тому огромному большинству, которое, не решая вопросов, подчиняется наиболее распространенному объяснению смысла и вытекающему из него направлению жизни.

В чем же состоит это наилучшее объяснение смысла и вытекающее из него направление жизни и откуда мы можем узнать его?

Объяснение это дано в религиозном понимании жизни, выраженном и в древних религиях человечества, и в тех разъяснениях (преимущественно очищениях) этих религий, которые совершены и совершаются до самого последнего времени людьми религиозными, т. е. имеющими способность видеть и понимать смысл жизни — не человеческой, не по отношению только к данному месту и времени, а во всем его вечном и всемирном значении.

Жизнь отдельного человека ведь не в чем ином, как в его приближении к смерти, к освобождению от тела, в его духовной сущности, во все большем и большем освобождении его духовной природы. В смерти оно свершилось. В жизни оно совершается. И потому чем дальше идет жизнь отдельного человека, чем более он стареется, тем более освобождается его духовная природа, тем яснее он понимает сущность жизни.

То же самое совершается и в жизни всего человечества.

Обыкновенно мудрость старчества приписывают древности, т. е. временам отдаленным от нас прошедшим, и религиозным выражениям древности. Но это несправедливо. Точно так же, как отдельный человек, подвигаясь в жизни, все более и более освобождаясь от страстей, все более и более умудряется, так точно и человечество. Высшая мудрость человечества не за тысячи лет до нас, а теперь, сейчас.

В смысле религиозном, т. е. в объяснении смысла и указания направления жизни мудрость эта не во временах апостольских, а теперь среди нас. Она в учениях Руссо, Канта, Чанинга, в учениях нео-буддистов, неوبرаминов, бабистов и сотен и тысяч людей, понимающих и уясняющих религиозные учения древности: Конфуция, Будды, Исаии, Эпиктета, Христа.

Вот эта-то очищенная мудрость древности и должна дать людям те разумные ответы на вопросы о значении жизни и на наилучшее направление ее, которое необходимо человечеству не только для того, чтобы оно могло пользоваться тем наибольшим благом, доступным ему в настоящий период его жизни, но и для того, чтобы идти по тому пути, который ему предназначен.

Единственный верный руководитель.

Из мыслей П. Н. Толстого.

Человек есть соединение двух начал: животного-телесного и разумного-духовного. Движение жизни совершается в животном существе, оно движет жизнь и свою и продолжает эту жизнь в дальнейших поколениях; разумное, духовное существо направляет это движение. Если нет разума в существе, то жизнь идет в нем по предназначенному ему направлению, как в животном, в растении; но, как скоро в животном появился разум, разум этот должен руководить жизнью, проявляя, образуя какую-то другую жизнь, высшую, духовную. Если же разум направляется не на направление в должную сторону животной жизни, а на усиление движения животной жизни, как это делают люди, впадающие в соблазны, так нарушается правильное движение животной жизни.

(Из писем 1895 г.).

Жизнь человека есть движение. Сознав себя живущим, человек видит, что жизнь его движется, и движется по закону, находящемуся вне его, и вместе с тем сознает, что разум, проявившийся в нем, есть новый закон, в нем самом находящийся, по которому он может и должен сам направить свою жизнь.

Движение жизни, сила этого движения не зависит от человека; но с тех пор, как в нем проявился разум, направление этого движения находится уже в его власти. Соблазн состоит в том, что, вместо того, чтобы употреблять разум на направление движения жизни, человек направляет его на усиление этого движения, на подхлестывание его. От этого — извращение и животной жизни, и тщетная трата разума. И потому самая обыкновенная ошибка людей состоит в том, чтобы посредством разума заставлять себя действовать, тогда как разум нужен только на то, чтобы направлять данное не мною, но только сознаваемое во мне движение.

(Дневник 1895 г.).

Разум дан не на то, чтобы научить человека любить Бога и ближнего. Это вложено помимо разума в сердце человека. Разум дан человеку на то, чтобы указать ему, что ложь и что истина. А стоит человеку откинуть ложь и он научится всему тому, что ему нужно.

(На каждый день. 23 ноября).

Для разумного человека, живущего духовной жизнью, разум есть руководитель жизни. Для неразумного, живущего телесной жизнью, разум есть только орудие, которое может быть с пользой употреблено для блага личной жизни.

(Дневник 1907 г.).

Животному даны органы, напр. зверю — чутье, насекомым — щупальцы, и исполнять свое назначение животное может только через употребление своих высших органов. То же и с человеком. Он может исполнять свое назначение только через употребление своего высшего органа — разума.

Какое его употребление? Понимание жизни, как служение Богу для установления Царства Божия на земле; с другой стороны — любовь к Богу и ближнему.

(Дневник 1889 г.).

Н. спросил меня, как и чем я различаю разум от чувства.

Я отвечал ему, что не знаю этого деления, или скорее, что не признаю этого деления основным. Есть дух, живущий в нашем теле, проходящий через него, и как через призму, проходя через него, раздробляющийся на то, что мы называем разумом, чувством, верою и т. п.

(Дневник 1895 г.).

Никогда не верь, что другие люди, а не ты сам, могут привести тебя к

доброй жизни. Слушайся только внутреннего голоса своего разума, а не велений и внушений людей.

(На каждый день. 23 декабря).

Когда в раздумии не знаешь, что хорошо, что дурно — нужно войти в себя; не искать спасения при внешнем свете, а потушить этот внешний свет. Он один мешает видеть то, что добро и что зло.

(На каждый день. 26 марта).

ЕДИНЕНИЕ.

Нужна ли правда об уходе Толстого?

Условия, при которых Лев Николаевич Толстой оставил Ясную Поляну и умер в пути, на железнодорожной станции, были, как известно, совсем исключительные. А между тем до сего дня—несмотря на то, что с тех пор минуло вот уже десять лет—человечество все еще не знает истинных обстоятельств этого события. Ни в России, ни за границей не известны действительные причины, побудившие такого человека, как Лев Толстой, покинуть свою семью. Благодаря этому, каждый по-своему придумывал и опубликовывал по этому поводу всевозможные измышления. Одни утверждали и продолжают еще утверждать, что Толстой, почувствовав потребность вернуться в лоно православной церкви, хотел уйти спастись в монастырь. Другие уверяли, что он от старости настолько ослабел умом, что, сам хорошо не зная, что делает, и инстинктивно чуя приближение смерти, бежал просто, куда глаза глядят. Третьи с удовлетворением отмечали, что хоть под конец своей жизни Толстому удалось, наконец, превозмочь свое пристрастие к семье и порабощение барской обстановкой, и совершить то, что, по своим убеждениям, он должен был исполнить гораздо раньше. Четвертые, наоборот, выражали сожаление о том, что у него не хватило сил выдержать до конца свое семейное испытание и что, возмущившись поведением близких лиц, он потерял душевное равновесие и изменил своему долгу по отношению к семье. Не перечислишь всех тех предположений и толков, которые распространялись людьми, старавшимися разгадать стоявшую перед ними, в течение десяти лет, загадку об „уходе“ Толстого или умышленно извращавшими правду. Еще только на этих днях, в своей книжке о Толстом (уже переведенной на иностранные языки). Максим Горький—со свойственной ему изумительной опрометчивостью по отношению к тем вопросам, с которыми он незнаком или которых не понимает—счел уместным, в числе других нелепостей о Толстом, оповестить мир о том, что Лев Николаевич ушел из Ясной Поляны с „деспотическим намерением усилить гнет своих религиозных идей“ и „заставить“ этим „принять их“; и что он, Максим Горький, не одобряет такого поведения.

Причина, по которой друзья Льва Николаевича,—те немногие из них, которые знали правду,—до сих пор молчали, не выступая в печати, заключалась, главным образом, в том, что была еще жива вдова Льва Николаевича, отношение которой к нему и было главной причиной его ухода. Но с тех пор, как в ноябре прошлого года она скончалась, препятствие это само собою устранилось. В виду этого, я сознаю своей нравственной обязанностью не держать больше под спудом те сведения об уходе и смерти Л. Н-ча, которыми располагаю.

Начиная с того, что в настоящем годовщинном выпуске нашего журнала предаю гласности статью М. П. Новикова,*¹) бросающую яркий свет на одну сторону этого вопроса. Немедленно за сим намереваюсь приступить к изданию от-

¹) См. в этом номере следующую статью: „Мое последнее свидание со Львом Николаевичем“.

дельней брошюрой написанной мною уже несколько лет тому назад повествования об „Уходе Л. Н. Толстого“. А в свое время надеюсь, если Бог поможет, докончить начатую обширную биографическую работу о „Подвиге жизни Толстого“, долженствующую дать точные сведения из никем еще не исследованной области семейных и имущественных отношений Л. Н-ча в связи с теми затруднениями, которые ему приходилось переживать в своих духовных стремлениях к улучшению своей домашней жизни.

Уверен, что опубликование этого материала будет большинством читателей встречено с одобрением и чувством удовлетворения. Но вместе с тем знаю, что некоторые лица, к искреннему моему сожалению, будут этим восстановлены против меня, и притом — такие, которых мне меньше всего хотелось бы огорчать именно в области отношений наших ко Льву Николаевичу. Но действую я, в этом случае, вполне обдуманно, следуя самым определенным требованиям моей совести.

Перед памятью умершего друга я сознаю себя обязанным обнаружить всю неосновательность тех нареканий и той клеветы, которыми старались запятнать его личность люди, ложно осведомленные о его жизни или враждебные к его мирозерцанию. Я естественно чувствую потребность содействовать по мере сил восстановлению во всей чистоте и красоте душевного облика того, кому я так бесконечно много обязан за его любовь и духовную помощь.

По отношению же ко всем людям вообще — я считаю своим нравственным долгом противодействовать тому, чтобы было утаено или сколько нибудь умалено истинное значение одного из самых светлых примеров, унаследованных человечеством для ободрения и подкрепления дальнейших поколений на пути духовного развития: примера самоотверженного исполнения воли Божьей — изо дня в день, в течение многих лет, до конца жизни.

Таковы причины, побуждающие меня приступить к разглашению, доселе слишком мало известных, обстоятельств личной жизни Льва Николаевича Толстого.

28 октября 1920

В. Чертков.

Мое последнее свидание со Львом Николаевичем.

От Редакции. Автор этих воспоминаний Михаил Петрович Новиков, крестьянин деревни Борзово, Тульской губернии, (в перстах 60 от Ясной Поляны) познакомился со Львом Николаевичем в конце 90-х годов прошлого столетия и с тех пор был в постоянном и близком общении с ним. Л. Н. отозвался к Новикову с глубоким уважением, ценя в нем большой здравый ум русского крестьянина и выдающиеся способности писателя, — вполне самобытного, народного типа. Произведения Новикова — все публицистического характера — не только раз уже появлялись в печати, как в России, так и за границей (в Англии, в изданиях „Свободное слово“ и в России; в разных изданиях: таковы, например, „Голос крестьянина“ „На войну!“, „Старая пера“, „Из моих воспоминаний о Толстом“, „Две свободы“, „Нам долг перед Толстым“, „Братья — крестьянам“, „Перестанем быть язычниками“ и другие, написанные в периода 1900—1920 годы). Настоящие воспоминания о последнем свидании с Л. Н-м в Ясной Поляне написаны им под свежим впечатлением вскоре после смерти Толстого и были переданы автором в 1911 г. в редакцию „Ежегодника Толстого“ для напечатания в № 1, но не вошли в него. В то время, когда еще жива была вдова Толстого — редакторы „Ежегодника“ нашли неудобным опубликовывать их по причине интимности их содержания. В настоящее время, когда уже нет в живых Софии Андреевны, — мы находим вполне уместным напечатание этих глубоко трогательных по своей искренности и правдивости воспоминаний, беспристрастно и неподдельно освещающих последние дни жизни Л. Н-ча, так мало известные людям и так плохо понятые и так ложно перетолкованные многими — иногда даже с преднамеренною целью скрыть правду...

Кроме неоспоримых литературных достоинств, записки эти ценны, как первые в этом роде, восстанавливающие жизненную правду и пополняющие крупный пробел в материалах для биографии Толстого.

А. Черткова.

Мир осиротел, не стало того человека, который, отказавшись от личной жизни, 30 лет боролся с неправдою жизни и за всех нас искал и смысл, и цель жизни. Больно и горько, точно из сердца что-то вынуто, что-то

оборвалось внутри, упало, разбилось. Когда он был жив, на душе было хорошо, постоянно чувствовалась в нем какая-то невидимая опора. Было ясно, что в мире есть человек, который за нас думает, борется с неправдой: очищает и облагораживает жизнь, выводя человека-животного из грязи материальной, чувственной жизни и возводя на степень человека — сына Божия.

Над свежей могилой трудно говорить, трудно подобрать слова для выражения той невидимой боли, которая неустанно щемит сердце. Мир твоему праху, мой дорогой советник и друг. Я не завидовал твоей славе, ты же завидовал моим страданиям, и мы любили друг друга.

21 октября 1910 г., за неделю до ухода Л. Н. из Ясной Поляны, я был в последний раз у него и, по обыкновению, ночевал там. 17 лет перед тем я познакомился с ним в Москве, будучи еще солдатом, и, породнившись духовно, не прерывал с ним общения до самой его смерти. И когда из-за этого общения в суровые годы Плеве и Ванновского сама собой вытекла моя высылка в Тургайскую область, то мы оба мучились в одинаковой мере

Милый и дорогой Л. Н., тебе я обязан своим духовным возрождением и теми светлыми сторонами своей жизни, которые неизменно сопутствуют этому возрождению. Ты не учил меня, как жить, а только сказал, что каждый человек свободен и может и должен устроить свою жизнь как можно лучше по своему, независимо от того, как живут и смотрят на тебя окружающие, — независимо от того духовного уклада, который всякий человек получил по наследству от прошлого. Вот все, что ты мне сказал; но это малое само собою разрослось в большое и свалило с моей жизни все глупости, суеверия и излишества, которые висели на мне камнем, мешая жить. И эта переоценка наследственных ценностей настолько была верна и крепка, что я не соблазнился легкой городской жизнью, а остался на всю жизнь в деревне, чтобы трудом рук своих жить и кормиться с семьей, несмотря ни на какие соблазны и представлявшиеся возможности более легкой жизни.

Идя на этот раз из Тулы пешком, я всю дорогу испытывал какое-то тяжелое, тягостное чувство. Думалось, приду, а он болен или уже умер, (не получая газет я ничего не знал о его здоровье); но каково было мое удивление и радость, когда Илья Васильевич*) сказал, что „старого графа нет, он с доктором уехал на прогулку верхом“. Коли верхом, подумал я, значит жив и здоров: больные верхом не катаются. Пройдя в комнату Душана**, я более часа ждал их возвращения и так углубился в чтение „На каждый день“***), что и не слышал их возвращения. Обычно Л. Н. проходил в свою комнату и звал меня к себе, но в этот раз сам неслышно вошел сзади ко мне и по-мальчишески ударил меня по плечу. Я вздрогнул от неожиданности и обернулся. Л. Н. стоял около меня, бодрый и здоровый и весело протягивал руку. Я мысленно подумал: Ну, слава Богу, пять лет еще смело проживет дедушка. По обыкновению Л. Н. стал расспрашивать о моем житиe, о семейных, вникая во все подробности. Спрашивал об от-

*) Илья Васильевич Сидорков, старый слуга, много лет служивший в доме Толстых и поныне проживающий при доме в Ясной Поляне. А. Ч.

**) Душан Петрович Маковницкий, — старый друг и единомышленник Л. Н.-ча — доктор, сквак по происхождению, приехавший из Австро-Венгрии в 1904 году и с тех пор безвыездно живший в Ясной Поляне, лечивший и ухаживавший за Львом Николаевичем во время всех его болезней. Сопровождал Л. Н.-ча при его уходе из Ясной Поляны 28 окт. 1910 г. — он оставался при нем до последней минуты его жизни. А. Ч.

***) „На каждый день“ — книга для чтения, составленная Львом Николаевичем (на основе его же книги „Круг чтения“), из разных изречений мудрецов всего мира, но более переработанная и приведенная в систему. Ежемесячные выпуски этой книги начали выходить еще в 1900 году, но, к сожалению, прекратились, и книга эта до сих пор еще не появлялась в печати целиком. А. Ч.

ношении ко мне окружающих, духовенства; учу ли я в школе своих детей и т. п.? Особенно интересовало отношение друг к другу семейных, о неизбежных расприх и о том, чем и как они тушатся, как справляемся мы со злом. „Самый нам лютый враг наш гнев и зло, говорил он, и научиться справляться с ним во время есть величайшая мудрость и основная христианская добродетель“. О детях я рассказал Льву Николаевичу, что не посылаю их в школу потому, что училищный совет не разрешил обучать их без преподавания Закона Божия, хотя они и не крещены ни в какую веру, — что поэтому я учу их сам. „Это у нас самое больное место в нашем кругу, сказал Л. Н.: не дать образования значит не дать возможности получать 300 рублей с народа на господские прихоти; а образовать — учи историю сотворения мира, притворяйся, что веришь в Филаретовский катехизис. У Вас дело проще, сказал он мне, Вам тужить не придется, если Ваши дети останутся без того и другого“.

Вошел доктор Душан, дочь Л. Н.-ча, Александра Львовна, пришли еще двое молодых людей из Яснополянских крестьян, призывавшихся в этом году на военную службу. Завязалась беседа. Л. Н. спрашивал одного из них, стал бы он служить, если бы его приняли? Полин*), так была его фамилия — сказал, что он разделяет взгляды социал-демократов и стал бы служить, только не за веру и царя, а за народ и отечество. Л. Н. спросил, что я думаю об этом: можно ли служить под таким флагом? Я сказал, что во имя чего бы люди ни совершали убийства и преступления, это все же будет злом и преступлением, хотя бы не только за государство, но и во имя Бога.

— „Это одна сторона, сказал Л. Н., а я вот спрошу Полина: как он узнает: где начинается отечество и где кончается отечество, за которое он согласен учиться военному ремеслу и убивать? За нашей деревней, за Москвой или за рекою Волгой? Ведь если ему понадобится свое отечество окружить границей, как теперь, то за границей все же останутся его враги, с которыми ему не миновать также воевать, и роль его службы сведется к тому же, а если он признает отечество всю землю, то и не нужна будет и его служба: тогда не с кем воевать“. — „А я вот слышал, сказал товарищ Полина, что сектанты отказываются служить, потому говорят, что священное писание запрещает это? Моисей сказал „не убий“, а Христос велел любить и врагов“.

— „Это почва шаткая, возразил Л. Н. Писаний много. Моисей написал: не убий, а Наполеон напишет: иди и убивай. Человек не потому не должен делать худого другим или себе, что это запретил Моисей или Христос, а потому, что человеку — заметьте человеку, а не зверю — несвойственно делать это худое ни себе, ни другим. В самом себе нужно найти Бога, который бы и говорил тебе, что добро и что худо, что возможное и невозможное. А пока мы руководимся внешним авторитетом, один Моисеем и Христом, другой Магометом или Марксом, до тех пор мы все будем врагами друг другу и не до чего не договоримся. Бог один, а учителя у всех свои и учат по разному“.

Разговор перешел на отступление от православия и вообще на сектантов, отпавших от старой веры. Я сказал, что родиться и умирать легко и без услуг духовенства, а вот в вопросах брака для детей, неокрещенных ни в какую веру, могут быть сильные затруднения, в особенности у нас, где мало отпавших.

— „А разве цель жизни только в том, чтобы жениться и выходить замуж, — живо возразил Л. Н., — я думаю этого не только у социалиста

*) Михаил Тимонович Полин — юноша, крестьянин из деревни „Ясная Поляна“, но жил рабочим в городе. Во время германской войны был убит на фронте. (в 1915 г.).

Маркса, но и у Моисея и Христа не написано. Наоборот — добавил он — по Евангелию идеал целомудрие, и я знаю много женщин невыходивших замуж; для них всегда так много работы и у сестер и у братьев, что о собственной жизни и думать некогда. По-моему, жизнь таких перед Богом ценнее и выше первых. Вот моя Саша, — закончил он, любовно глядя на дочь, — ей 20 лет, а она пока и не думает о замужестве. Не спорю, — подумавши продолжал он, — мне ясно только одно. что если человек живет по совести всегда и во всем поступает разумно, такой человек несомненно от жизни возьмет больше радостей независимо от того, крещен он или нет в какую-либо веру. По-моему, холостые и невышедшие замуж меньше тужат об этом, — смеясь сказал Л. Н., — чем те, которые женились и повыходили замуж“.

Александра Львовна стала рассказывать, как на сходе в этот день Яснополянские крестьяне согласились открыть у себя потребительскую лавку из взносов по пяти рублей; и что такая же лавка уже года три, как существует в селе Рудакове, недалеко от Ясной Поляны.

— „Как по вашему, спросил меня Л. Н., — принесет это пользу?“

Я сказал, что в этом худого не будет, что я об этом же мечтал у себя в деревне. Другое дело, говорю, кредитные товарищества, тех я боюсь, как огня, и пользы от них не жду.

— „А ну, скажи, почему ты так думаешь о кредитных товариществах, спросил меня опять Л. Н., меня это очень интересует; теперь ведь на это мода, все кричит, что у мужика самая главная беда в том, что негде занять на нужду денег“.

Я сказал, что мужик не бережет и своей кровной копейки и половину всех своих заработков растрчивает на потеху черту, на разные праздники, моды и гуляшки, а чужими деньгами помочь ему и вовсе нельзя, он их будет охотно брать и еще охотнее растрчивать также попусту, как и свои.

— „Да, да, — живо подхватил Л. Н., — я всегда чуть не плачу, глядя на то, как крестьяне справляют свадьбы, праздники, даже похороны. Из последнего, а друг от друга не отстают, точно у них круговая порука делать глупости. Трудовая копейка есть часть самого себя, часть твоей жизни, а ею швыряют направо и налево. У нас все так, продолжал он, подумавши, — думаю, что можно помочь с хвоста, не трогая головы, а ворона хоть и с павлиньим хвостом, а все остается вороной. Помните Христос сокрушался: жатвы много, а делателей нет, а кажется не было еще такого времени, когда бы больше всего требовалось делателей, как теперь. Вся жизнь ушла во внешнее! А народу защемили голову православными суевериями, соблазнами, разными модами, ясными пуговицами, кабаком, а когда он воспринял их же заразу, бегают около него вокруг да около и предлагают, кто касторки, кто порошки, а кто кредитные товарищества и хуторское расселение. Кажется для ребенка должно быть ясно, — закончил он, — что худо исходит из головы, а нас стараются уверить в обратном“.

Расспрашивал дальше меня одного о моей семье, о том, как относятся крестьяне к моему отступлению от старой веры и моим некрещеным детям, Лев Николаевич неожиданно спросил: „А я у вас никогда не бывал в деревне?“ Я сказал, что несколько раз он обещался навестить меня, но забывал...

Л. Н. рассмеялся и сказал: „Вот и хорошо, теперь я свободен и в любое время могу исполнить свое обещание“. Я принял это за шутку и сказал: „А помните, Л. Н., Вы мне два года назад писали на мой вызов: „Для меня было бы большим удовольствием навестить вас в деревне, но вы знаете что если бы я хотел, все же не мог бы к вам поехать“. Для меня, говорю, так и осталось непонятным тогда, почему вы не можете по-

ехать? В вас привык видеть человека совершенно свободного, не связанного никакими условностями отношений к людям".

— „Тогда, — перебил меня Л. Н. шутливо, — было время строгое, была монархия; а теперь конституция. *) Я со своими поделился, или, как у вас говорят, отошел от семьи. Теперь я считаю себя здесь лишним, как и ваши старики, когда они доживают до моих годов, а потому совершенно свободен".

Заметивши, что я принимаю это за шутку и слушаю его недоверчиво, Л. Н. перешел на серьезный тон и заговорил опять: „Да, да, поверьте, я с вами говорю откровенно, я не умру в этом доме. Я решил уйти в незнакомое место, где бы меня не знали. А может, я и впрямь приду умирать в вашу хату. Только я наперед знаю, — продолжал он, — вы меня станете бранить, ведь стариков нигде не любят. Я это видал в ваших крестьянских семьях, а я ведь такой же стал беспомощный и бесполезный, — произнес он упавшим голосом, — я вам буду только мешать и брюзжать по-стариковски".

Мне стоило большого усилия не расплакаться при этих его словах, и Л. Н. — чу, видимо, было тяжело это признание. Мы долго молчали, переживая много в эту минуту. Оправившись, Л. Н. спросил: „А вы, конечно, у нас ночуете, как и всегда?"

Я сказал, что мне стыдно беспокоить других, заставляя заботиться о себе, но что иначе не знаю, как быть, так как среди ночи боюсь один идти на станцию.

— „Вот и хорошо, — сказал он, оживляясь, — а вы думайте, что ночуете у меня в доме. Когда я к вам забреду и тоже заночую, — мы сочтемся. А разве вы ночью кого боитесь? — спросил он после минутного молчания. — Этого я за вами не знал."

Я сказал, что волков и людей не боюсь, а боюсь пьяных, так как у себя в деревне много от них видел горя.

— „Я всегда думаю об этом, — сказал Л. Н., — вот если бы люди повели в духовную жизнь и стали бы жить сообразно этому, разве возможны бы были пьяные и то горе и зло, которое теперь неизбежно сопутствует пьянству? Вы, конечно, — продолжал он, — больше моего знаете это горе от пьянства, я сижу в барском доме и только издали слышу и вижу пьяных. Вы же стоите к ним лицо к лицу, и я понимаю ваш страх. А прежде, в молодости, — добавил он, — я их очень любил, они всегда такие откровенные, душа нараспашку, а может потому это, что сам тогда жил худо".

Провожая меня и прощаясь со мною по обыкновению с вечера Л. Н. долго не выпускал моей руки, словно предчувствуя, что видимся в последний раз, и много раз повторял: „Мы скоро увидимся!... Дай Бог, чтобы мы скоро увиделись"...

*) Для того, чтобы читатель мог понять значение этого разговора, необходимо указать на то, что в то время, когда он происходил, у Л. Н.-ча назревала решимость покинуть семью и Ясную Поляну, о чем, однако, он почти ни слова не говорил даже самым близким своим друзьям. Он в то время переживал самые, быть может, трудные и мучительные дни своей жизни, благодаря до крайности обострившемуся, жестокому отношению к нему его жены. В разговоре с М. П. Новиковым, сначала, повидимому, не желая посвящать его в подробности своего интимного семейного разлада, Л. Н. хотел добродушной шуткой обойти этот вопрос. Но затем, почувствовав, может быть что, обращаясь к другу за гостеприимством в такую трудную минуту, не следует, да и невозможно будет скрывать от него настоящую причину того, почему он просит у него такой услуги, Л. Н. решился откровенно сообщить ему истинные обстоятельства дела. Слова Л. Н.-ча о „монархии" и „конституции" обозначают, как мне кажется, то, что раньше он считал свое присутствие в семье обязательным для себя; а оставаясь в семье, старался согласовать свою жизнь с желаниями своей жены, насколько позволяла ему совесть; но что теперь настало такое время, когда семья ее уже больше не нуждается в его присутствии и он поэтому имеет нравственное право распорядиться собою независимо от нее. В. Ч.

Я уже лежал в постели и собирался заснуть (было уже близко к полночи), как услышал около себя легкие шаги, в полумраке я увидел опять Л. Н-ча, и готов был принять его за привидение, так легки и беззвучны были его движения. Видя, что я протягиваю руку, чтобы отвернуть свет лампы, Л. Н. удержал меня и, сядя рядом на постель, тихо и отрывчиво сказал:

„Не надо, так лучше, я к вам на минутку, рад, что вы не спите. Я сказал Душану, чтобы он оставил нас одних,—продолжал он.—О ваших рукописях,—я их сейчас прочитал,—я напишу своему старому знакомому Анучину,^{*)} а еще Короленке,^{**)} только я вам настойчиво советую не разбрасываться, не растрчивать себя по таким мелочам. Вам нужно описать только свою жизнь, у вас так много в ней содержательного и поучительного, что я готов вам завидывать. Опишите, непременно опишите, я даже прошу вас об этом.—Подумавши, он добавил:—Мне всю жизнь недоставало того, чего у вас было с избытком. В особенности вашей нужды и детской, наивной веры^{***)}. Ну, прощайте, сказал он, уходя, но тотчас же остановившись у двери и подумав, вернулся и, севши опять на мою постель, торопливо заговорил:—Я не хотел вам говорить о себе, но только я сейчас почувствовал, что я не прав буду, не сказавши вам, почему я тогда и всегда не мог навестить вас. Я от вас не скрывал, что я в этом доме киплю, как в аду, и всегда думал и желал уйти куда-нибудь в лес, в сторожку, или на деревню к какому-нибудь бобылю, где мы помогали бы друг другу. Но Бог не давал мне силы порвать с семьей, моя слабость может, грех, но я для своего удовольствия не мог заставить страдать других, хотя бы и семейных“.

Я перебил его, сказавши, что для того, чтобы видаться с друзьями, ему и не надо было бросать семью, ведь это же на время...

„В этом-то и беда,—перебил он меня,—что здесь и моим временем хотят располагать по-своему. Тайком убегать я не мог, не делая шума и семейного огорчения, а согласиться на то, чтобы я поехал к вам или к кому другому, жена ни за что не хотела. А если бы я стал настаивать, сейчас бы начались обычные в нашем кругу сцены со слезами, истерики, с припадками, к торых я никогда не выносил“...

—Но вот вы бы все же поехали,—недоумеваючи сказал я,—чтобы из этого вышло худого.

„Софья Андреевна^{****)} сейчас же поехала бы за мною и помешала бы нашей беседе. Да это уже и было несколько раз,—сказал он,—вот, когда я уезжал в Крым, к Паниным, или вот в Кочеты, к дочери. А приехать к вам, в крестьянскую избу, вдвоем, втроем, делать историю из за того, чтобы сказать „здравствуй“, и через час „прощай“,—это и для вас было бы только смешно и стеснительно и для меня глупо и просто бессмысленно“.

^{*)} Дмитрий Николаев. Анучин (р. 1842 г.)—литератор, один из редакторов газеты „Русские Ведомости“, в которой Л. Н-ч иногда помещал свои статьи А. Ч.

^{**)} Владимир Галактионович Короленко—(род в 1853 г.)—известный русский писатель—лучший из современных авторов повестей и статей о текущей общественной жизни. Лев Николаевич особенно ценит его статью против смертной казни: „Бытовое явление“ (1907 г.). По происхождению малоросс. Проживает и по ниню на Украине, в Полтавской губ. А. Ч.

^{***)} При глубоко обдуманном отрицательном отношении Л. Н-ча к церковной вере, он, разумеется, не мог здесь разуместь ее, тем более, что М. Н. Новиков был свободен от такой веры. Думаю, что этиими словами Л. Н. хотел сказать, что ему в прошлом недоставало той спокойной, ничем неколебимой уверенности в зависимости человека от высшего разумного и благотого Начала, которая, как не раз указывал Л. Н. в своих писаниях, дает простому русскому народу возможность и жить, и умирать с таким удивительным терпением и равновесием. В. Ч.

^{****)} Софья Андреевна Толстая—жена Льва Николаевича. Умерла в ноябре 1919 года, в Ясной Поляне, 76 лет отроду А. Ч.

Наступила пауза, я сказал: „Не в обиду вам скажу я, Лев Николаевич, про своего знакомого, который известен и вам, (я назвал ему имя). Вы знаете, у него жена алкоголик, 20 лет пила запоями по недели, по две, даже по три. 20 лет он нес крест терпеливо и все ждал. Когда был глуп—молебны заказывал, иконы в церковь покупал, на богомолье к Троице Сергию ходил, думая, что по его молитвам Бог исправит его жену, а ее запои становились все продолжительнее. Не выдержал он прошлым летом, взял кнут, походил два раза пьяную, так ведь лучше угодников помогло, теперь и пить при нем почти совсем перестала и запои прошли. А уж прежде он, как ни уговаривал ее не пить, как ни умолял. У нас говоря, с бабами проще разрешаются споры, и истерики не бывает совсем. Сам я не сторонник кнута, говорю, и никогда к нему не прибегал, но ведь нельзя же и делать все то, что хочет баба. Вы лучше моего знаете, что женщина вообще легче поддается пристрастию и самолюбию, и строить хозяйственную жизнь семьи по ее желанию никак нельзя.

Лев Няколаевич рассмеялся, позвал Душана Петровича из соседней комнаты, передал ему мой разговор *) и, попросивши опять выйти, заговорил со мною просто и откровенно:

— „Я больше вашего приятеля, я 30 лет нес этот крест и все терпел. Конечно,—продолжал он,—если бы я еще в молодости хоть раз покричал, затопал бы на жену, она, наверное, бы также покорилась, как покоряются ваши жены, но я по своей слабости не выносил ее слез, и истерик. Когда оне начинались, я думал, что я виноват тут один, что я не вправе заставлять собою страдать человека, который меня любит, и всегда уступал **). Мы прожили любовно 50 лет, свыклись, жена мне никогда не изменяла. Я не мог для своего личного удовольствия причинить ей боль. А когда у нас выросли дети и перестали в нас нуждаться, я звал ее в простую жизнь, но она больше всякого греха боялась опрощения и, заметьте, боялась не душою, а инстинктом“.

Остановившись на минуту передохнуть, Л. Н., подумавши, снова продолжал: — „Я для себя одного не ушел и нес крест. Меня здесь расценивают на рубли; говорили, что я разоряю семью. Правда,—произнес он чуть не плача,—обо мне, как о человеке, любовно заботились, чтобы не простыл мой обед, чтобы была чиста блуза, вот эти штаны, (показал он на колени), но до моей духовной жизни, кроме Саши, никому не было дела. Только Саша,—произнес он нежно,—меня понимает и не бросит одного. Я не мог видетсья со своими друзьями, которых здесь не любят, в особенности с Чертковым. Вы знаете Владимира Григорьевича? — спросил он меня. — Он все свое состояние и жизнь тратит на распространение моих писаний. Его Софья Андреевна видеть не может, считает, что он причиной тому, что я не продаю своих писаний. Чтобы с ним видетсья, я дол-

*) Несмотря на непоколебимую стойкость собственных убеждений, например о том, что насильственно применять к человеку наказание ни в каком случае недопустимо,—Л. Н. обладал замечательною способностью переноситься в положение и на уровень развития других людей. Поэтому к чужим поступкам он иногда повотно относился почти что с добродушным сочувствием даже в том, что было совершенно противно его собственным взглядам и чего он сам никогда не позволил бы себе сделать. В данном случае, ему просто показался смешным такой упрощенный способ укрощения строптивой жены. В. Ч.

**) „Уступал“ Л. Н. своей жене в вопросах семейной и домашней жизни там, где ему не приходилось поступать своей совестью, а там же там, где, ради семейного мира, ему приходилось жертвовать своими личными желаниями и даже душевными склонностями и предпочтениями. Но в вопросах принципиального характера, напр., в вопросе о преследовании кого-либо судом, о поддержании от исполнения церковных обрядов, об отказе от литературной собственности и т. п. Л. Н.—для себя был непреклонен и тверд, как скала. И именно по причине разногласий с женою в этой области, ему и пришлось вытерпеть столько невыразимо тяжелого в последний период своей жизни. В. Ч.

жен или выносить скандалы и упреки или обманывать, чего я не могу.

„И мне хочется спокойно умереть, хочется побыть одному с самим собою и с Богом, а они меня расценивают... Уйду, непременно уйду,— произнес он, как то глухо, почти не обращаясь ко мне.— Вы мне простите, я по-стариковски разболтался вам,— с горечью сказал он после минутной паузы,— но мне так хотелось бы, чтобы вы меня поняли душой и не думали бы обо мне дурно. Еще два слова. Я вам сказал, что я теперь свободен, и я не шучу, как вы думаете. Мы наверное скоро увидимся, у вас, у вас, в вашей хате,— добавил он поспешно, заметивши мое недоумение.— Я и впрямь отошел от семьи, только, думаю, без приговора, как у вас,— пошутил он и здесь. Для себя одного я этого не мог бы сделать, а теперь я увидел, что и для семейных без меня будет лучше, меньше у них из-за меня спору, греха будет“.

Прощаясь со мною, Л. Н. снова повторил: „мы скоро увидимся, может быть раньше, чем думаю сам.— Отойдя на несколько шагов, он опять приостановился и, обернувшись, сказал, назвав меня полным именем.— Я вам потому все это сказал, М. П., что убежден, что вы разделяете мои взгляды и мне вполне сочувствуете“.

Мы расстались.

Почти всю ночь я не мог заснуть от охвативших меня волнений. Мне было и стыдно, что я как бы заставил его исповедываться перед собою, и в то же время радостно, что он, как человек, забывая свое имя, не скрывал от меня своих слабостей и горестей души, за что я и всегда любил его и привязался к нему душой.

Милый и дорогой дедушка, разве я мог думать в эту минуту, что ты живешь последние дни и в этом доме и в этой жизни.

Вернувшись домой, через три дня, 20 октября, я получил от него письмо, милое, дорогое письмо, писанное им 24-го:

„В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом,— писал он,— обращаюсь к вам еще со следующей просьбою: если бы действительно случилось то, чтобы я приехал к вам, то не могли бы вы найти мне у вас в деревне,— хотя бы самую маленькую, но отдельную и теплую хату, так что вас с семьей я бы стеснял самое короткое время. Еще сообщаю вам то, что если бы мне пришлось телеграфировать вам, то я телеграфировал бы вам не от своего имени, а от Т. Николаева. Буду ждать вашего ответа, дружески жму руку. „Лев Толстой“.

В конце еще приписка:

„Имейте в виду, что это должно быть известно только вам одним. Л. Т.“

Я никогда не прощу себе той медленности, которую я допустил с ответом ему на это письмо, которого, как оказалось после, Л. Н. ждал двое суток и получил уже лежа больным на станции Астапово. Кто знает, может быть, от этого его жизнь протянулась бы еще долгие годы, так как двухчасовой переезд до нашей станции не повредил бы ему, тем более, что и просимая изба, теплая и чистая, стояла пустою и точно ждала к себе жильцов. Д и в моей хате была удобная, маленькая комнатка, где он мог бы приютиться на время, никем незамеченный.

Милый Л. Н., ты мне простишь это, так как ты знал всегда, что я любил тебя и был с тобою откровенен и задержал ответ не с намерением.

Получивши это письмо, я не бросился исполнять его просьбу тотчас же, как бы следовало, а целые сутки обдумывал, как бы мне лучше отговорить его от намерения навсегда оставить Ясную Поляну. Я видел его на этот раз очень старым, дряхлым и вполне беспомощным, как он и сам говорил о себе^{*)}, и я сознавал, что перемена во внешней обстановке

^{*)} То, что Л. Н.-чу в то время пришлось перетерпеть в Ясной Поляне, в конце истощило его силы и погубило его здоровье, за несколько месяцев перед тем бывшее, сравнительно, в цветущем состоянии. В Ч.

его жизни убьет его сразу, и жертва эта будет ни на что и никому не нужна. В этом духе я и ответил ему уже 27-го, в тот самый вечер, когда он от домашних собирал вещи и готовился уйти из мира житейского *).

Мир твоей душе, дорогой дедушка! Я никак не мог думать, что твое пребывание в родном доме и в родной семье в самом деле настолько для тебя стало тягостным, что ты не мог дальше вынести там и двух дней. Над твоей могилой я не прощался с тобою, я не говорил тебе „прощай“, так как проститься с тобою, отойти от тебя душой для меня стало невозможным, и твой дух до конца твоих дней будет неотступно жить со мною.

Конец 1910 года

Михаил Новиков.

Что сказал бы Толстой?

Доклад, прочитанный В. Г. Чертковым в Зале Консерватории в Москве, на вечере, устроенном Обществом Истинной Свободы в память 92-й годовщины дня рождения Л. Н. Толстого, 28 августа (19 сент.) 1920 г.

Перед лицом тех ужасов, которые в настоящее время творятся среди человечества,—присутствуя при тех зверствах, которые день и ночь совершаются вокруг нас, многие и многие вспоминают Толстого и спрашивают себя, какое было бы его отношение ко всему этому, если бы он был с нами? И надобно заметить, что спрашивающие, что сказал бы Толстой, если бы он не умер, часто бывают незнакомы с тем, что он действительно говорил, когда был жив. А между тем он так ясно предвидел то, что сейчас происходит, что некоторые его статьи об общественной жизни кажутся написанными сегодня, а не пятнадцать лет тому назад.

Думаю, что в виде вступления к вечеру, посвященному памяти Льва Николаевича Толстого, уместно будет прочесть несколько отрывков из тех его писаний, в которых он предупреждал нас о том, что нам теперь приходится переживать.

О современном состоянии нашей общественной жизни он пишет:

„Никогда люди так ясно не сознавали своих прав на свободу, своего равенства и своего братства, несмотря на все различие национальностей и государств; никогда люди не чувствовали и не понимали так ясно, что все эти бедствия, которым они подвергаются и которые ожидают их, не должны быть,—что условия, вызывающие эти бедствия, должны быть изменены, и что изменение это во власти их самих“¹⁾

Но, вместе с тем, он говорит:

„Никогда в жизни народов не было такого упадка нравственного чувства, такого принижения и всеобщей подлости, не было такого периода не только несогласия, но резкого противоречия между сознанием, между идеалом жизни и ее действительностью,—как тот, который мы переживаем теперь“²⁾

„Во имя блага, свободы, обеспеченности и нравственности людям приходится отказываться и от всякого блага, от всякой свободы, от всякой обеспеченности и от всяких самых даже низ-

*) Письмо М. П. Новикова было получено в Ясной после ухода Л. Н-ча и, на основании его распоряжения, было передано со всей почтой, полученной на его имя, Вл. Гр. Черткову. Вызванный заболевшим в Астапове Львом Николаевичем телеграммой, 2 ноября Вл. Гр., поехав туда, захватил с собою и письмо М. П. Новикова, которое он и прочел Льву Николаевичу. Он прослушал его внимательно, просил поблагодарить и сказать Новикову что теперь уж си, Л. Н., „поехал совсем в другую сторону“. А. Ч.

1), 2). Из неизданных черновых Л. Н. Толстого к „Царство Божие“ 1892 г. (Архив В. Г. Чертова). Те же мысли, но более подробно, изложены в его книге „Царство Божие внутри вас“. (Издана в России в 1907 г., „Посредником“ и другими) В. Ч.

ших требований нравственности¹⁾

При этих условиях:

„Неизбежно должны будут происходить большие волнения, жестокости, обманы, предательства, всякого рода беззакония и, вследствие этих беззаконий, должна охладеть любовь, самое важное и нужное для общественной жизни людей свойство“...2) „Внешние признаки этого я вижу в напряженной борьбе сословий во всех народах; в холодной жестокости богачей; в озлоблении и отчаянии бедных; в безумном, бессмысленном, все растущем вооружении всех государств друг против друга; в распространении неосуществимого, ужасающего по своему деспотизму и удивительного по своему легкомыслию учения социализма; в ненужности и глупости возводимых в наиважнейшую духовную деятельность праздных рассуждений и исследований, называемых наукой; в болезненной развращенности и бессодержательности искусства во всех его проявлениях; главное же, не только в отсутствии в руководящих сферах какой бы то ни было религии, но в сознательном отрицании всякой религии и замене ее признанием законности подавления слабых сильными и потому в полном отсутствии каких бы то ни было разумных руководящих начал и жизни.“3)

Говоря здесь о социализме, Толстой, само собой разумеется, имеет в виду не то, что есть в социализме хорошего, навеянного христианством. Он отрицает не свободный социализм, вытекающий из внутреннего сознания согласия и единения; а—социализм принудительный, из не навязываемый, так называемый „государственный“, который тщетно стремится осуществить свободу, равенство и братство, обращая людей в рабов посредством штыка и палача.

Но Толстой не падал духом. Он сознавал, что ужас и безобразие человеческой жизни стали переходить всякие пределы и в сгушавшемся вокруг него мраке он прозревал отблески приближающегося рассвета.

„Ведь то, что теперь делается“, размышлял он, „это последние судороги умирающей на ильнической, злобной, нелюбовной жизни. Ведь теперь уже не может быть не ясно, что все эти борьбы, вся эта ненависть, все эти насильственные устройства, оттаивание властей, государств разных народов,— что все это бессмысленные, ни к чему, кроме как к все увеличивающимся бедствиям, не ведущие обманы“4)

Он предсказывал „революцию“ и приветствовал ее:

„Бывают времена, когда в жизни, как отдельного человека, так и всего человечества сразу открывается ясно та ошибка, которая сделана была в направлении прошедшего, и выясняется та деятельность, которая должна исправить эту ошибку. Это время на революций. И в таком положении находятся теперь христианские народы“5)

Но революцию Толстой понимает в гораздо более „революционном“, глубоком смысле, чем обыкновенно ее понимают. Для него революция не есть замена одной насильственной власти другой, не есть замещение старого начальства новым.

„Переворот“, поясняет он, „предстоящий теперь человечеству, состоит в освобождении себя от обмана повиновения человеческой власти. И так как сущность этого переворота совсем иная, чем сущность всех прежде бывших в христианском мире рево-

1), 2), Из неизданных черновых Л. Н. Толстого к „Царство Божие“ 1892 г.

4) „Любите друг друга“, 1909 г. изд. „Посредника“ 1917 г. М.

3), 5) „Конец века“ 1906 г. Изд. „Единения“ 1917 г. Москва.

лющий, то и деятельность людей, участвующих в этом перевороте, не может не быть совсем иная, чем деятельность участников прежних революций. Деятельность участников прежних революций состояла в насильственном свержении власти и захвате ее. Деятельность участников теперешнего переворота должна и может состоять только в прекращении потерявшего смысл повиновения какой бы то ни было насильнической власти и в устроении своей жизни независимо от правительства". 1)

"Пусть только народ перестанет повиноваться правительству, — и не будет ни податей, ни отнятий земли, ни всяких стеснений от власти, ни солдатства, ни войн". 2)

"Для того, чтобы совершился этот великий переворот, нужно только чтобы люди поняли, что государство, отечество есть фикция; а жизнь и истинная свобода есть реальность; и что поэтому не жизнью и свободой надо жертвовать для искусственного соединения, называемого государством, а ради истинной жизни и свободы — освободиться от суеверия государства и вытекающего из него преступного повиновения людям". 3)

"Народу не нужно никакого, ни самого деспотического, ни самого демократического правительства, как не нужны человеку ни медные, ни железные, ни короткие, ни длинные цепи. Народу не нужны никакие отдельные свободы, а нужна одна, настоящая, полная, простая свобода". 4)

"Мы не можем знать, в какие условия станут народы, переставшие повиноваться власти, но несомненно знаем, что мы, каждый из нас, должны делать для того, чтобы эти условия жизни народов были наилучшие.

"Мы несомненно знаем, что для того, чтобы условия эти были наилучшими, мы прежде всего должны воздерживаться от тех дел насилия, которые требует от нас существующая власть, и точно также и от тех, к которым призывают нас люди, борющиеся с существующей властью для установления новой, и потому должны не повиноваться никакой власти. И должны не повиноваться не потому, что мы знаем, как сложится наша жизнь, вследствие нашего прекращения повиновения власти, а потому, что повиновение власти, требующей от нас нарушения закона Бога, — есть грех. Это мы несомненно знаем, знаем и то, что от того, что мы не будем нарушать волю Бога, не будем делать греха, ничего, кроме добра, как для нас, так и для всего мира, выйти не может". 5)

Толстой спрашивал себя, почему же народ все еще не приступает к этой коренной революции, почему он не освобождает себя, наконец, от всякой государственной власти этим единственным возможным средством неповиновения начальству?

"Это так просто", замечает он, "и так кажется легко. Отчего же люди не делали это до сих пор и теперь ещe не делают этого?". 6)

И он отвечает:

"А от того, что для того, чтобы не повиноваться правительству, надо повиноваться Богу, т. е. жить доброй, нравственной жизнью. Только в той мере, в которой люди живут такой жизнью, т. е. повинуются Богу, могут они и перестать повиноваться людям и освободиться". 7)

1), 2), 3), 4), 6), 7) „Конец века“ 906 г.

5) „О значении русской революции“.

И он видел приближение того времени, когда люди поймут, что надо, как говорили первые христиане, „повиноваться Богу более, нежели человеку“, чтобы достигнуть того блага, которого они ищут.

„Человечество“, писал он, „в наше время находится в муках родов этого устанавливающегося Царства Божия, и муки эти неизбежно кончатся родами“. 1)

И как радовался Лев Николаевич этому приближению. В его частных письмах мы встречаем такие строки:

„Как бы желал вам передать все то радостное, те признаки приближения весны, которые чувствую в доходящих до меня проявлениях жизни со всех сторон“. 2)

Или, в другом письме:

„Не только иногда, но и теперь постоянно вижу зарю нового света. И она все разгорается. И радостно и жить и умирать“. 3)

Невольно представляешь себе, насколько Лев Николаевич, еще больше порадовался бы, если бы дожил до наших дней и увидал бы, с каким еще большим, совсем особенным напряжением русский народ теперь повсеместно ищет правды Божьей и с какой горячей отзывчивостью, с каким радостным восторгом узнает он свою собственную душу в писаниях его — Толстого.

Но Толстой хорошо понимал, что

„наступление этой новой жизни не делается само собой, наступление это зависит от нас. Мы должны сделать его,—„Царство Божие внутри нас“. 4)

Но что нам нужно делать для того, чтобы приблизить это „Царство Божие“? В чем заключается добрая, нравственная жизнь? И где нам найти необходимые силы для повиновения Богу, а не людям?

Всякое дело человеческой жизни начинается в сознании людей. В России, в настоящее время, народное духовное сознание пробуждено и развивается с поразительным напряжением. Для того, чтобы мы имели возможность принимать посильное участие в этом движении, от которого зависит вся духовная судьба нашего народа и в настоящем и в будущем, от каждого из нас требуется очень немногое. Но, вместе с тем, это „немногое“ является делом громадной важности. А именно, нам необходимо обратиться к тому голосу добра и правды, который звучит в глубине души каждого из нас, и прислушиваться к нему с намерением исполнить не свою волю, но — волю той Высшей Силы, которая пустила нас в жизнь. Голос этот прежде всего говорит нам, что мы должны доверять самим себе, — верить тому хорошему и разумному, что вложено в наше сознание; — верить нашему здравому смыслу, говорящему нам, что плохими средствами, т. е. притесняя, насилая и убивая людей, невозможно достигнуть ничего хорошего; — верить своему сердцу, внушающему нам, что нужно всех любить и жалеть, не разделяя людей на друзей и врагов, но относясь ко всем, как к братьям, — детям одного Отца небесного. А поверив этому голосу Божьему в нашем сознании, мы должны напрягать все свои силы к тому, чтобы согласовать нашу собственную жизнь с этими требованиями, и, вместе с тем, должны делать все от нас зависящее для распространения среди людей того света разума, которым мы располагаем. Живя так и не боясь, а жалея тех, кто, как говорил Иисус, „в состоянии убить наше тело, но души нашей не могут убить“ — мы сделаем все, что в наших силах для уменьшения тех ужасов, которые сейчас происходят вокруг нас, и вообще — для исполнения перед Богом и людьми нашего назначения на земле.

1), 4), Послесловие к книге „Жизнь и смерть Дрожжина“. 1895 г. (заграничное изд.)

2), 3) Из частных писем, 1889 г. и 1900 г.

Об этом Толстой прекрасно говорит в одном из своих воззваний (к юношеству), из которого я, в заключение, приведу несколько строк:

„Верьте только себе, и не бойтесь несогласия со взглядами и мыслями людей, окружающих вас, если только несогласные с ними ответы ваши на представляющиеся вам вопросы основаны не на ваших личных желаниях, а на желании исполнить назначение своей жизни, исполнить волю той силы, которая послала вас в жизнь. Верьте себе, особенно когда ответы, представляющиеся вам, подтверждаются теми вечными началами мудрости людской, выраженной во всех религиозных учениях и в наиболее близком вам учении Христа в его высшем, духовном значении...

„Не верьте тому особенно усилившемуся в наше время опасному соблазну, состоящему в том, что высшее назначение человека—это содействие переустройству существующего в известном месте, в известное время общества, употребляя для этого всевозможные средства, даже и прямо противоположные нравственному совершенствованию. Не верьте этому, цель эта ничтожна перед целью проявления в себе того божественного начала, которое заложено в душе вашей. И цель эта ложна, если она допускает отступления от начала добра, заложенного в душе вашей. Не верьте этому.

„Не верьте тому, что осуществление добра и истины невозможно в душе вашей. Такое осуществление добра и истины не только не невозможно в душе нашей, но вся жизнь, и ваша, и всех людей, только в одном этом и только это осуществление в каждом человеке ведет не только к лучшему переустройству общества, но и ко всему тому благу человечества, которое предназначено ему и которое осуществляется только личными усилиями каждого отдельного человека.

„Да, верьте себе, когда в душе вашей будут говорить не желание превзойти других людей, отличаться от других, быть могущественным, знаменитым, прославленным, быть спасителем людей, избавителем их от вредного устройства жизни (такие желания часто подменяют желания добра), а верьте себе, когда главное желание вашей души будет то, чтобы самому быть лучше, я не скажу: совершенствоваться, потому что в самосовершенствовании есть нечто личное, удовлетворяющее самолюбию, а скажу: делаться тем, чем хочет тот Бог, который дал нам жизнь, открывать в себе то вложенное в нас подобное Ему, начало,—жить по Божьи, как говорят мужики.

„Верьте себе и живите так, напрягая все свои силы на одно: на проявление в себе Бога, и вы сделаете все, что вы можете сделать и для своего блага, и для блага всего мира“. 1)

Вот, что говорил Толстой пятнадцать лет тому назад. Мы не можем знать, что именно сказал бы он сейчас, если бы был жив, но знаем, что сказанное им тогда остается истинным и до сих пор и на все времена.

1) „Верьте себе“.

ИСТИННАЯ СВОБОДА. ДЕСЯТЬ ЛЕТ.

10 лет! Какой ничтожный период в общем ходе мирового развития и какой значительный для нас, переживших его.

10 лет, как мы похоронили Льва Николаевича Толстого. 10 лет, как мы не видали его дорогого лица, 10 лет, как мы учимся жить без него, пользуясь только оставленными нам его произведениями,—10 лет как мы живем воспоминанием о нем.

Для духа его нет времени, нет смерти, нет этого десятилетия, что то нестерпимо грустное говорящего нам. Этот великий дух, как жил, так и живет и растет и ведет нас к вечному благу.

Только надо быть в непрестанном общении с ним, надо быть достойным его; а для этого прежде всего надо быть правдивым и искренним. Это совсем не легко. Правдивость и искренность во всей своей полноте дается только упорным трудом над самим собою. Столько соблазнов затемняют ее, столько покровов заволакивают эту правдивость и искренность, что редкий человек обладает ею во всей ее чистоте.

А как любил эти качества Л. Н-ч! Когда приходилось говорить с ним, он устремлял на тебя свой пристальный взор и лгать ему было нельзя; он все равно знал, правду ли ты говоришь ему, и скрывать было нечего. Он не осуждал тебя, если ты скрывал что либо, но скрывая что либо от него, ты чувствовал всю вину свою и знал, что он все видит, читает в твоей душе и становилось страшно за свой грех и рождалось неопределимое стремление избавиться от этого греха, сбросить его с себя, стать лучше, чище, достойнее его любви.

А эту любовь он разливал по миру и в частных беседах с людьми, и в письмах и писаниях своих, и в помощи личным трудом, и в участливом слове, и в заступничестве за гонимых, и в кормлении голодных; но сильнее всего эта любовь проявлялась и росла в служении Богу Любви, а чрез Него и всему миру.

Как нужна нам теперь эта любовь, среди всеобщего озлобления и озверения!

Давайте же, братья и сестры, помянем нашего дорогого старца увеличением в себе любви, прощением, забвением обид, единением между собою в одном общем труде на общее благо. Поищем случая проявить деятельную любовь заброшенным и обиженным, а главное постараемся возбудить в себе любовь к обидевшим нас, к врагам нашим. Только этим мы победим зло мира; только этим исполним свое назначение и соединимся с одним вечным, благим источником жизни.

26. X. 20. Москва.

П. БИРЮКОВ.

О некоторых особенностях Толстого как писателя-художника, мыслителя-философа и человека-праведника.

Трудно найти человека, который обладал бы такой всеобъемлющей душой, как Л. Н. Толстой, п. ч. нет той стороны жизни, нет той отрасли человеческой духовной деятельности, которая не нашла бы в нем своего отражения и так или иначе не была бы затронута в его писаниях; нет того характера, того типа человеческого, который не был бы воспроизведен Толстым в его художественном творчестве.

Но из того, что люди были так близки к Толстому, не следует, чтобы и он был всегда одинаково близок и понятен всем нам. Он-то обладал необыкновенным, божественным даром переноситься в другого человека, понимать его в сокровеннейших движениях его души, но мы-то далеко не одинаково способны понимать его, и поэтому каждый из нас часто подходит к Толстому лишь с той стороны, с какой он доступен его пониманию.

И вот я хочу здесь попытаться наметить в общих чертах те стороны души Толстого, через которые люди разного образа мыслей имеют к нему доступ и благодаря которым могут более или менее понимать и ценить его.

Мы признаем в Толстом, или порознь, или в том или ином сочетании, следующие стороны его души. Он для нас является либо писателем художником, либо мыслителем мудрецом философом и в связи с этим религиозным реформатором пророком, либо, наконец, просто человеком, стремившимся так или иначе к доброй и праведной жизни.

Но кем был для нас ни являлся Толстой, какую бы из указанных трех сто-

рон мы в нем ни признавали, отрицая остальные, они все-таки существуют в нем *все полностью* и в каждую из них он внес специфические особенности, в каждой ярко и резко проявил присущие ему одному отличительные черты, существенно отличающие его от всех других писателей художников, мыслителей-философов и людей-праведников.

Посмотрим же, в чем выразились в Толстом эти характерные для него особенности.

I. Главная особенность Толстого, как писателя-художника,—в том, что, несмотря на то, что он обладал громадным, превзошедшим всякую обычную меру, талантом, он, как человек, все-таки *был выше своего таланта*. И вот эта-то, повидимому, мало значущая особенность Толстого, как писателя, на самом деле имела огромное значение для всех его произведений и преимущественно для художественных. Особенность эта—в том, что мощный дух Толстого отразился в его художественных произведениях необыкновенным богатством их идейного содержания,—богатством, выразившимся в том, что главные герои этих произведений были неутомимыми искателями истины и смысла жизни. Правда, благодаря этой своей особенности, Толстой нередко подвергался упрекам в так называемой тенденциозности; но, если мы будем понимать тенденциозность не в ходячем, а в правильном значении этого слова, по которому необходимо строго отличать ее от истинной идейности, то увидим, насколько эти упреки были несправедливы именно по отношению ко Л. Н. чу.

Ведь что такое *идейное* художественное произведение? Это такое художественное произведение, в которое вложено известное нравственное содержание, при чем содержание это вполне гармонирует с воплощающей его художественной формой, т. е. находит в ней соответствующее себе полное воплощение.

Тенденциозным же произведение будет тогда, когда гармония эта будет в нем нарушена в смысле перевеса сухого замысла над воплощающей его живою формой. Тенденциозность в истинном значении этого слова—это, так сказать, видимость, оголенность авторского замысла из под плохо воплощающих его образов, совершенно подобная оголенности проволочного каркаса из под цветов и тканей, которые должны его покрывать.

При таком определении понятия тенденциозности ясно, что Толстой был свободен от упреков в ней. Владея в неподражаемом совершенстве художественной формой, в которую он облекал свои мысли и литературные замыслы, Л. Н. никогда не позволял себе искусственно навязывать их своим читателям, а всегда достигал того, что они воспринимались ими как естественные, самостоятельные и притом невольные выводы из прочитанного.

Вот в каком смысле Толстой был застрахован от упреков в тенденциозности в истинном значении этого слова. Что же касается тенденциозности в обычном, ходячем смысле, то я охотно признаю, что Толстой был гораздо менее свободен от нея, нежели многие талантливые писатели, стоящие *ниже* своего литературного дарования. У этих представителей чистой эстетики каркас идейного содержания действительно никогда не выступает из под обильных цветов художественных образов; но это не потому, чтобы эти образы были полным, живым воплощением своего идейного содержания, а по простой причине мизерности или даже полного отсутствия каркаса, т. е. внутреннего содержания. Само собой разумеется, что заслуги в таком свободном от тенденциозности художественном творчестве так же мало, как, например, в отсутствии близорукости у слепых или хромоты у безногих. И, разумеется, Толстой чужд был такой отрицательной заслуги. Положительная же главная заслуга и особенность Толстого, как писателя и художника,—в том, что при указанном преобладании в нем человека над писателем-художником, он все же благодаря громадному дару художественного изображения, избегал тенденциозности в истинном значении этого слова.

II. Перейду теперь к определению особенности Толстого как мыслителя-философа. Вряд ли найдутся теперь люди, которые не признавали бы Толстого за

мыслителя, искателя правды и смысла жизни; весьма многие признают его за мудреца, даже пророка, но вместе с тем очень многие не признают его за философа в общепринятом значении этого слова. Почему это? Потому что у Толстого не было философской системы, не было выработано так называемой философии. Действительно, Толстой никогда не занимался составлением философской системы. И вот когда я раз обратился к нему с заявлением, что за это отсутствие системы его не считают настоящим философом, он сказал мне на это следующее:

—А я считаю себе за достоинство как раз то самое, что мне вменяется в недостаток.

—Как так?—удивился я.

—Ведь эти патентованные философы что делают,—продолжал Л. Н.—они во что бы то ни стало задаются целью построить свою собственную систему, даже не позаботившись предварительно о том, хватит или не хватит у них на нее материала. И благодаря этому с ними случается то же самое, что с плохими каменщиками, которые принялись бы класть свод известной величины, не позаботившись заранее припасти нужное для этого количество материала. В конце концов у них не хватает камней, и они чего только не напихивают в пустующие промежутки своего свода. Так и наши философы, Бог знает, чем заполняют пустующие промежутки своей заранее принятой схемы. Нет, Бог с ней со схемой! Она бы меня стесняла, не давала бы работать. Ведь нужно только одно: серьезно и искренно мыслить, а стройность и цельность,—то, что называется системой, сами собой приложатся при этом. Если же не все до конца будет мною продумано, если окажутся пробелы в своде,—это не беда. Бог даст, заполнятся и они,—если не мною, то другими мыслителями, описывающими окружность свода из того же центра и тем же радиусом.

Вот какое серьезное значение придавал Л. Н. выражению мыслей, хотя бы и в цельных сочинениях, но именно вне философских, заранее составленных систем. Ого и понятно, что ему, как великому художнику и свободному мыслителю, претила всякая программа, всякое предначертание, как в самой жизни, так равно и в литературном творчестве.

„Не клянись, не обещайся, не связывай свою волю вперед, ибо ты не можешь предначертать направление своего духовного роста“,—предостерегал он человека, склоняющегося подчиниться общественным требованиям.

„Не пиши философских систем, этих искусственных построений с придуманной связью между частями и часто явными отступлениями от истины ради соблюдения стройности целого учения,“—говорил он в назидание всем современным и будущим философам и мыслителям.

Но, при всем своем ясном нерасположении к искусственным философским системам, Л. Н. тем не менее *не был сам чужд истинной, внутренней и потому не сразу замечаемой системы*, т. е. такой, в которую у серьезно, искренно и свободно мыслящего человека мысли сами собой, как химические элементы в кристаллы, стройно складываются в определенные формы. И в такую внутреннюю, стройную систему сами собой складываются все мысли Л. Н-ча, как бы отрывочно-разрознено они ни были им высказаны. Причина этого свойства мыслей Л. Н-ча кроется в том, что он все силы своего мышления направлял на построение цельного и стройного мирозерцания, благодаря чему все его мысли, как радиусы одной окружности, исходят из одного центра.

Вот в чем состояла особенность Толстого как мыслителя философа.

III. Остается еще сказать несколько слов об особенностях Толстого как человека.

Насколько, как мы видели выше, люди склонны незаслуженно упрекать Л. Н-ча: *как писателя*,—в тенденциозности его художественных произведений, *как мыслителя*—в несистематичности его философского мышления, настолько же люди склонны были его, *как просто человека* подвергать упреку в *противофе-*

чим слова с делом,—упреку, столь близкому к сомнению в искренности его стремлений к доброй и праведной жизни.

Обоснованием для этого упрека, как известно, послужило больше всего то, что он, высказываясь в большинстве своих последних писаний за простую, трудовую жизнь, за жизнь по принципу „трудами рук своих“, тем не менее почем-то продолжал жить в привычной ему барской обстановке. Одним словом, его, как человека, обвиняли в противоречии слова с делом,—обвиняли в том, что он говорит одно, а делает другое.

И действительно, для человека, наблюдавшего жизнь Л. Н. со стороны,—для человека, непосвященного в интимную жизнь Л. Н. и, главное, незнакомаго с религиозно-нравственным его миросозерцанием, это противоречие могло казаться явным признаком его неискренности и даже фарисейства.

Для человека же, хоть несколько знакомого с интимной стороной жизни Л. Н., а главное, разделяющего его религиозно-нравственное миросозерцание, во 1-х, не может не быть понятно некоторое неизбежное *расхождение* живого и потому движущегося, совершенствующегося сознания с отстающими от него мертвыми формами жизни, и во 2-х, должно быть известно отрицательное отношение Л. Н. к обычной склонности людей, привыкших жить только своей земной, временной жизнью,—т. е. только в прошедшем и будущем, а не в настоящем,—к склонности таких людей приписывать слишком большое значение внешним условиям и обстоятельствам этой жизни, а главное, придавать первенствующее значение *внешнему переустройству форм ее* при попытках ее улучшения, совершенствования. Требуя от человека направления всех его духовных сил на внутреннее, нравственное его изменение, вытекающее из духовного совершенствования, Л. Н. верил, что надлежащую ценность будет иметь такое внешнее изменение формы, или устройства жизни, которое будет естественно и потому неизбежно вытекает из этого *внутреннего* изменения. Всякие же внешние приемы переустройства как частной, так и общественной жизни, вытекающие из искусственных, чисто рассудочных решений и предписаний, не только не желательны, но еще и вредят истинному духовному росту человека, а также общественному прогрессу.

Вот что мы находим по этому вопросу у Л. Н. в одном из его писем к человеку, обвинявшему его в вышеуказанном противоречии слова с делом.

„Обыкновенно человек,—пишет Л. Н.,—познав истину, застает себя в известном, далеком от этой истины, мирском положении, в связях, узлами завязанных, и мертвыми петлями, нашими грехами затянутых с людьми мира. И человеку, познавшему истину, прежде всего представляется, что главное, что он должен сделать, состоит в том, чтобы сейчас-же, во что бы то ни стало, выйти из тех условий, в которых он находится, и поставить себя в такие условия, находясь в которых ясно видно было бы людям, что я живу по закону Христа, и жить в этих условиях, показывая людям пример истинной христианской жизни.

Но это не так: требования совести не состоят в том, чтобы быть в этом или другом положении, а в том, чтобы жить, не нарушая любви к Богу и ближнему. Но всякий христианин, среди мирских людей, находится в таких условиях, что для того, чтобы ему приблизиться к этому положению, ему надо прежде распутывать узлы своих прежних грехов, которыми он связан с людьми, и потому главная и первая задача его—в том, чтобы по закону любви к Богу и ближнему распутывать эти узлы, а не затягивать их, и, главное, не делать больно тем, с кем он связан.

Дело христианина не в каком-нибудь известном положении: в положении земледельца, монаха и т. п., а в исполнении воли Бога. Воля же Бога—в том, чтобы во всяком положении, на все требования жизни отвечать так, как того требует любовь к Богу и людям. И потому определять близость или отдаленность себя или других от идеала Христа никак нельзя по тому положению, в котором находится человек, а по степени его усилия осуществления закона Бога.

Важно не положение, в котором находится человек, а те поступки, которые

привели его в то положение, в котором он находится; судьей же в этих поступках может быть только он сам и Бог.

Но скажут: „поэтому человек, исповедуя христианское учение, может, под предлогом того, что он не хочет оскорбить близких людей, продолжать жить греховной жизнью, оправдывая себя мнимой любовью к Богу и ближнему“. Да может, но точно так же может, как и человек, который, устроив себе безгрешное (или кажущееся ему таковым) положение земледельца, монаха, может жить в нем только для того, чтобы хвалиться этим положением перед людьми. В том и другом случае суждение невозможно, и в том и другом случае опасность одинакова. Для первого опасность в том, что, продолжая жить ради любви к людям в мирских условиях жизни, соблазняешься этими мирскими условиями и пользуешься ими не потому, что не можешь иначе, а по своей слабости, это я испытываю часто; для второго опасность — в том, что, поставив себя сразу в те условия жизни, которые считаешь праведными, живешь в этих условиях, не стараясь идти вперед к совершенству любви, а гордясь своим положением, презирая и не любя всех тех, которые не находятся в этом положении; испытывал я и это, только не так часто.

Путь — узкий в обоих случаях, и знает о том, — стоит ли он на пути, только тот, кто идет, и Бог“.

(Из писем, 6 февраля 1890 г.).

Как видите, письмо это дает глубокое и верное объяснение тех причин, по которым Л. Н. не только не торопился произвести во что бы то ни стало внешнее изменение своей жизни, но еще и осуждал такие поспешные изменения, когда они предпринимались другими людьми. В письме этом ясно выражены те веские соображения, которые заставляли Л. Н-ча колебаться между двумя, взаимно исключаящими друг друга, равно обязательными для него, требованиями: требованиями любви к семье и долгом слезть с шеи народа, на которой всю свою тяжестью лежал материальный избыток барской жизни этой семьи. Вот те нравственные колебания, которые заставляли весы совести Л. Н-ча долгие годы держаться в горизонтальном положении, не давая перевеса ни в ту, ни в другую сторону.

И наличие этих нравственных колебаний Л. Н-ча и отнимает всякое основание к сомнению в его искренности и уничтожает малейшую тень к подозрению его в лицемерии или фарисействе. А раз не было у Толстого ни лицемерия, ни фарисейства, а было одно только искреннее желание, наилучшим образом познав волю Божию, исполнить ее, то какое же может быть основание *не признавать человека праведником* только потому, что эта его праведность выразилась не в обычной шаблонной форме поспешного изменения внешних условий жизни, а в тяжелом, длительном подвиге его жизни, вытекавшем из трагизма его колебания между долгом перед семьей и перед народом.

Нет, Толстой был *истинный*, великий *праведник*, не смотря на противоречие между жизнью и сознанием или, скорее *благодаря* этому, мучившему его, противоречию.

Толстой был *истинный* и великий мудрец и *философ*, несмотря на отсутствие у него общепринятой философской системы.

И, наконец, Толстой был *истинный идейный* и великий *писатель-художник*, несмотря на кажущуюся многим тенденциозность его художественных произведений.

ФЕДОР СТРАХОВ.

Лекция А. В. Луначарского „Толстой и Маркс.“

26 августа с. г. в Москве в Большом зале Политехнического Музея состоялась лекция А. В. Луначарского „Толстой и Маркс“.

В нападках на Толстого т. Луначарский недалеко ушел от своих многочис-

ленных предшественников. Его остроумная, красноречивая критика в общем и частном держалась обычных приемов критиков на кажущиеся им слабые места исполнения мысли и слова Льва Толстого. Как это ни сгранно было слышать, но этот вождь революционного пролетариата, этот правоверный марксист, относящий даже библейских пророков к числу стоящих на точке зрения классовой борьбы, в своих нападках на Толстого, — за то, что тот отрицает и разоблачает всякую власть человека над человеком, держащуюся на насилии и обмане, вплотную сошелся с толстоодами из крайнего противоположного лагеря, — сошелся и подал руку для общей борьбы настолько, что в отдельных случаях буквально повторял выражения какого-нибудь Буренина или епископа Никанора, много обильнее писавшего в свое время о Толстом.

Конечно, г. Луначарский отдаст должное Толстому, как гениальному писателю, как художественному творцу. Одобрительно отзываясь он о Толстом и как о борце против власти кровавого, слепого царского самодержавия. Но дальше Толстой, как проповедник христианского коммунизма, основанного на заповедях Христа, о кротости, любви к ближнему и непротивлению злу насилием, — становится уж А. В. Луначарскому неприятным, а то и кажется прямо безумным...

И в конце концов А. В. Луначарский аргументы заменил нечто другим. Толстой аттестован был как „барин“, „граф“, в своих утопиях занимавшийся „идеализацией мелкобуржуазного и мещанского строя“. Толстого-де мучил всю жизнь вопрос о собственном я, которое он не хотел и не мог растворить в общенародном море. Отсюда-де и вся трагедия Толстого. И не обошлось без противопоставления толстовскому эгоизму — альтруистической личности всегда готового на самопожертвование современного „коммуниста“.

К несериозному отношению свел А. В. Луначарский свою критику учения Толстого о непротавлении злу насилием. „Кто даст тебе по морде, ты благодари, повернись другой стороной и попроси дать еще!“ — так определил Луначарский принцип непротавления злу насилием.

„Кто ударит тебя по одной ланите, подставь ему другую!“ Эти бессмертные, окрыляющие душу слова Евангелия, — этот основной идеал христианства, пред которым преклоняются в течение вот уже 20-ти веков миллионы людей, и правду которого возвестил Толстой с такой неодолимой силой, — служат в настоящее время лишь источником глумления.

Толстой, прочувствовавший это учение наиболее глубоко, счел своей жизненной миссией быть его проповедником и проводником в жизнь, которое могло бы служить людям за руководящее начало во всех случаях, как в малом, личном, так и в большом, мировом масштабах. Всю силу своего гения он направил на то, чтобы жечь сердца людей именно этим глаголом, направленным на то, чтобы доказать всю действенную силу, заключающуюся в этом, кажущемся близоруким людям пассивном средстве борьбы со злом. Во всех своих произведениях последних лет Толстой всячески старается вкряпить хоть крупицу этой истины, и открыть людям глаза на динамику, заключающуюся в этом христианском средстве борьбы.

И старания его не пропадают даром. Почитайте отзывы о Толстом наиболее чутких, мыслящих представителей всех наций. (В № 4 „Истинной Свободы“ были помещены такие отзывы японца Като; коммунистки Р. Люксембург; американки Люси Малотти; магометанина-индуса Сухраварди). в них вы слышите искренний восторг, горячую благодарность перед тем, кто открыл им новые горизонты и указал новые пути жизни.

Давно, лет 30 тому назад, когда вышла в свет книга Толстого: „В чем моя вера“, — наиболее чуткие представители русского общества: художник Репин, писатель В. Стасов и др. писали Толстому: „Религия найдена, а это самое выдающееся дело нашего века, могущее окончиться такой неслыханной правдой. Даже радостно делается, что дожили до такого дня“...

Толстой жил в наши дни. Его поле деятельности и наблюдения — наша современность. Именно потому-то его проповедь чистого обновленного христиан-

ства так глубоко и всколыхнула человечество, что он знал все те болезни, которые продолжают мучить современные общества, знал и указал на единственно верный выход. Именно потому-то так жадно и было воспринято его учение ищущими правды и свободы, всеми униженными и оскорбленными, — что оно дает одновременно ответ и на вопросы духа, и на вопросы жизни; связывает во-едино высший человеческий идеал с его практическим применением при наших текущих условиях.

И надо было пережить все то, что мы пережили, чтобы еще раз с поразительной наглядностью нам была доказана на живом примере вся глубина той истины, открытой миру 20 веков тому назад, и о которой всюду и всегда целые десятилетия твердил Толстой:

„Поступай с ближними так, как хочешь, чтобы поступали с тобой“.

„Всякое насильническое действие приводит в конечном счете к обратным результатам“.

И если говорить даже об успехах коммунистов большевиков, то и у них наибольшие успехи были тогда, когда они становились ближе к истине (вольно или невольно). Достаточно вспомнить Брест и последовавшие за ним события. Не привел ли именно Брест к провалу насильников и к торжеству большевиков?... И далее история наших дней продолжает давать поучительные примеры успехов пассивных методов борьбы за свободу. И к счастью для человечества наблюдается рост сознания среди трудового народа — то самое сильное и действительное их оружие борьбы против всякого угнетения и несправедливости, откуда бы таковые ни исходили, это — скрепление рук на груди. На эту тему в Известиях С. Р. Д. от 10 сентября была перепечатана из немецкой газеты статья: „О шестой державе“.

Вот почему нельзя достаточно рекомендовать измученным народам испробовать осуществить такого рода политику и такого рода революции, которые были бы новы в самом главном, а именно в средстве осуществления. Всем же понявшим это надо крепко держаться только этого метода непосредственной борьбы против угнетателей и поработителей народа, как бы они нас ни провоцировали своими действиями и какие бы зверства — от которых камни вопиют — ни учиняли над нашими твердыми духом братьями, остающимися верными своей идее до конца.

Вторая часть кригики А. В. Луначарского была посвящена разбору христианского учения о похоти, учению так гениально развитому в творениях Толстого. Т. Луначарский представил решение его Толстым верхом безумия, потому, видите ли, что это повело бы к прекращению человеческого рода на земле.

Решение полового вопроса Толстой, как известно, видит в самовоздержании. И когда ему указывали, что полное воздержание от половой жизни поведет к вымиранию, он отвечал: „Да, такого рода прекращение жизни на земле есть высший идеал человечества, но, как и всякий идеал, он все равно недостижим. Но это ничуть не умаляет истины и ценности самого идеала, в самом стремлении к которому уже заключается благо.“

Здесь, как мир в капле воды, отразилась вся несостоятельность возмущения т. Луначарского. Ведь то, что нет ничего вечного в мире, и что жизнь на земле, как и сама земля, не вечна, это — установленная научная истина. Великие научные умы предугадывали причины прекращения жизни и рисовали нам разные картины такого прекращения. Так почему же конец жизни на земле от остывания солнца, от налетевшей кометы, от исчезновения растительности, от вырождения, от болезней, наконец, от взаимного истребления при распространении диких и жестоких призывов, — почему же такого рода прекращение жизни предпочтительнее того, как если бы оно произошло вследствие стремления человечества к высшему духовному самосовершенствованию?

Толстовские дни в Москве и в провинции.

„Пшеничное зерно, аще не умрет, не оживет“.

Сейчас, за неимением более быстрого способа общения, чем письмо, еще трудно охватить всю картину того общественного оживления, которое охватило всю Россию в связи с исполнившимся 10-летием со дня смерти Л. Н. Толстого и которое выразилось в устройстве посвященных Толстому вечеров, собраний, лекций и т. д., но уже и из тех сведений, какие имеются, очевидно, что оживление это, действительно проявилось, и при том в довольно сильной, в сущности неожиданной, форме.

Что касается Москвы, то „толстовские дни“ прошли здесь особенно оживленно и даже вызвали разные толки в обществе: точно свежим ветерком подул от великой могилы яснополянского отшельника, с его вечно живыми, не умирающими заветами.

Центральное место занимали вечера и собрания, устроенные „Комитетом друзей Л. Н. Толстого по ознаменованию 10-летия со дня его кончины“. Первый вечер, в большом зале Консерватории (вмещающем до 2.000 человек) состоялся в самый день 10-летия, в субботу 20-го (7-го) ноября. Это было торжественное заседание в память Л. Н. Толстого, на котором предполагалось выступление с речами: Андрея Белого, М. Горького, А. Е. Грузинского, П. А. Кропоткина, А. В. Луначарского, Вл. И. Немировича-Данченко, П. Н. Сакулина, А. И. Южина-Сумбатова, и друзей Л. Н-ча П. И. Бирюкова, В. Ф. Булгакова, и Н. Н. Гусева. Но не все из ораторов присутствовали. А. В. Луначарский прислал письменное извещение, что необходимость присутствовать на заседании, имеющем важное государственное значение, лишает его „удовольствия и чести“ выступить с речью на юбилейном собрании. „Для меня было бы большой радостью, — говорилось в письме, — принять участие в чествовании одного из величайших сынов России, несравненного художника, глубокого и благородного мыслителя и яркого, хотя своеобразного революционера“. Знаменитый анархист П. А. Кропоткин прислал на имя „Комитета друзей Л. Н. Толстого“ следующее письмо:

„Дорогие друзья. Глубоко сожалею, что мне не удастся быть с вами на вечере в память Льва Николаевича. Так хотелось бы провести два — три дня со всеми вами и сообща вспомнить того, кто учил людей любви и братству, кто будил в людях совесть, и звал их могучим голосом к построению нового общества на братских и безначальных основах, — того, чьи слова так нужны были бы именно теперь. К сожалению, плохое здоровье заставляет меня отказаться от вашего любезного приглашения. Но от всей души мысленно присоединяюсь к вам, — ко всем тем, кому дорог имя Льва Николаевича. П. Кропоткин“.

Максим Горький не мог выступить на толстовском вечере, внезапно заболев цынгой.

Вечер открылся краткой вступительной речью председателя, биографа Л. Н-ча П. И. Бирюкова, в трогательных и достойных выражениях отметившего все значение праздника. Затем произнес большую речь о Толстом, как учителе жизни, предъявляющем и поныне к нам свои строгие нравственные требования, проф. П. Н. Сакулин. Затем, после опубликования письма Луначарского и Кропоткина, выступил поэт Андрей Белый, который признал громадное значение Толстого, как мыслителя, для современного общества. В обозначившемся „кризисе сознания“ Толстой один указывает (в особенности своей книгой „О жизни“) верный выход. Толстой защищал идеалы человека и человечности, он зовет нас к третьей революции, революции Духа, самой глубокой и благодатной. Эта же мысль о Толстом, как пророке человека и человечности, проникала и речь следующего оратора В. Ф. Булгакова, во время речи которого произошел инцидент. Когда оратор, говоря о чистоте внешних революционных достижений, не основанных на глубоком внутреннем перерождении общества, коснулся ужасов современной жизни: войн, смертных казней, социального неравенства и т. д., — то часть пуб-

лики стала аплодировать, а другая, напротив, шикать и свистать. Шум достиг большой степени, и В. Ф. Булгаков не мог продолжать речи. „Как вы отвыкли слушать свободное слово!“ — воскликнул он, вызвав этой репликой шумные аплодисменты, но, тем не менее вынужден был скомкать и сократить свою речь. После перерыва прочел интересный доклад о Толстом, как драматурге, заслуженный артист Гос. Театров и писатель А. И. Южин-Сумбатов и, наконец, заключительную речь произнес бывший секретарь Л. Н. Толстого Н. Н. Гусев.

В тот же день утром состоялось открытие Толстовского Музея в новом, прекрасном помещении, в д. № 11 на Пречистенке. На открытии присутствовали дети Льва Николаевича, члены Толстовского О-ва и О-ва Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого и много публики. Хранитель музея В. Ф. Булгаков и П. И. Бирюков давали объяснения выставленных коллекций.

В 4 часа того же дня в Университете состоялось публичное заседание старейшей русской литературной организации — Общества Любителей Российской Словесности, на котором выступали с речами и докладами о Толстом проф. А. Е. Грузинский, проф. П. Н. Сапулин, А. Хирьяков.

21 ноября „Комитетом друзей Л. Н. Толстого“ было организовано 5 кинематографических сеансов из жизни Л. Н. в Художеств. Электро-Театре на Арбатской площади: днем — для детей и вечером — для взрослых. К картинам друзьями Л. Н. давались объяснения.

22 ноября состоялся второй большой вечер Комитета в том же зале консерватории: „Об уходе и смерти Л. Н. Толстого“. Вечер открылся похоронным маршем Шопена, исполненным на рояли А. Б. Гольденвейзером и прослушан публикой стоя, после чего друг Л. Н. Толстого В. Г. Чертков прочел свой доклад об уходе Толстого, проводя ту мысль, что скорее не уход, как это часто говорят, а самая жизнь Льва Николаевича в Ясной Поляне, в тяжелых ему условиях роскоши, ради ненарушения любви с окружающими, представляла „подвиг“ со стороны Толстого. Толстой всегда говорил, что ему нужно гораздо больше самоотвержения, чтобы оставаться в Ясной Поляне, чем для того, чтобы уйти из нее. По окончании доклада Черткова, по предложению оратора, всеми присутствующими пропета была „Вечная память“ Л. Н. Толстому. Затем, после краткого перерыва, Н. Н. Гусев прочел доклад о личности Л. Н. Толстого, а скрипач А. Я. Могилевский и пианист А. Б. Гольденвейзер исполнили ряд любимых музыкальных произведений Л. Н. (мелодия Глюка, менуэт Моцарта, ария Баха). Вечер закончился воспоминаниями А. П. Сергеенко о последних днях Л. Н. в Астапове.

24 ноября в Малом зале Консерватории состоялся вечер пианиста А. Б. Гольденвейзера, на котором он исполнил длинный ряд музыкальных произведений, иггранных им когда то Л. Н. Толстому, и, кроме того, поделился своими личными воспоминаниями о Толстом. Вечер этот, устраивавшийся также „Комитетом друзей Л. Н. Толстого“, произвел очень сильное впечатление на присутствующих. Чувствовалось, что и артист, вдохновленный воспоминаниями о своем великом слушателе за 10 лет тому назад, вложил в исполнение всю душу, дал все, что мог, в этот вечер.

Наконец, 25 ноября состоялся большой литературно-музыкальный вечер в память Л. Н. Толстого, устроенный Комитетом. Первое, краткое, но сильное слово на этом вечере, принадлежало единомышленнику Льва Николаевича Сергею Попову, выпущенному в этот день из тюрьмы, где он был продержан более месяца по недоразумению. „Все одолеет сила духа, все победит упорный труд нравственного совершенствования“, — говорил С. Попов, передавая, как сами тюремщики, выпуская его, сказали ему, что он победил их силой своего духа. После Попова выступил с докладом о Толстом известный литературный критик Ю. И. Айхенвальд и дал опыт личной характеристики Л. Н. в последний год его жизни В. Ф. Булгаков. Во второй части вечера артисты Художеств. театра Станиславский, Лиллина, Коренева и Ефшов исполнили сцену из „Живого Трупa“; В. Р. Петров пропел „Пророка“ Римского-Корсакова на слова Пушкина; артист Худож. театра

Москвин прочел главу из романа „Воскресение“ и два отрывка из „Детской мудрости“; наконец, Могилевский, Гольденвейзер и Брандуков исполнили знаменитое трио Чайковского „Памяти великого артиста“.

Кроме всех этих вечеров, объявленной в общей афише, за то же время состоялся в Москве и ее окрестностях, в различных учреждениях, в школах, в красноармейских частях и т. д., длинный ряд вечеров и собраний в память Толстого, точные сведения о которых у нас пока отсутствуют. Мы упомянем пока о некоторых из них.

— Литературный Студенческий Кружок при Университете под председательством проф. Сакулина устроил вечер, на котором выступили с докладами проф. Сакулин, В. Ф. Булгаков, студ. Солсдовников (воспоминания о том, как отразилась кончина Толстого в сознании 12-летнего мальчика), и одна из студенток („Женские типы у Толстого“). — Театр „Палас“ (коллектив „Искусство и Труд“) устроил 26 ноября два „вечера“ в один вечер, с участием В. Ф. Булгакова, А. Г. Мец, и А. Б. Гольденвейзера („Крейцера Соната“), Блюменталь-Таминой (чтение „Чем люди жавы“), артиста Остужева (чтение „Царю и его помощникам“) и И. Москвина (глава из „Воскресения“). — В тот же вечер состоялся торжеств. публичное заседание Литерат. Отдела Наркомпроса, на котором выступили: проф. Сакулин, художеств. критик В. Л. Львов-Рогачевский, В. Ф. Булгаков („Об уходе Толстого“), пианист К. Н. Игумнов, певец Райский (романсы Шумана), и др. — В 3-ей Студии Худож. театра состоялся вечер, на котором с докладами и воспоминаниями о Толстом выступили В. Г. Чертков и А. П. Сергеевко, после чего А. Б. Гольденвейзер и А. Я. Могилевский исполнили любимейшие Л. Н. музыкальные вещи, а артисты Студии прекрасно исполнили сцены из „Власти тьмы“, романа „Воскресение“ и пр. — На Военно-Технических Курсах состоялся вечер с докладом А. П. Сергеевко о Толстом и с чтением и представлением пьес и отрывков Толстого. — В Финотделе Реввоенсовета Республики состоялся вечер с докладами П. И. Бирюкова и В. Ф. Булгакова и с представлением силами служащих, пьесы „От ней все качества“. — На Пречистенских Курсах для рабочих (старейшая школа для рабочих в Москве) состоялся Толстовский вечер с докладами Горева („Толстой и революция“), В. Л. Львова-Рогачевского и В. Ф. Булгакова и с исполнением артистами художественных номеров. — В школе 2 ступени 6. гимназии Поповой состоялся вечер с докладами Булгакова, учителя П. А. Стефановского и старших учеников. Зал был украшен портретами Толстого и крупными надписями: „Ищите все зеленую палочку“, „Не противься злу злом“ и пр. — На Курсах для рабочих Александровской ж. д. также состоялся вечер с докладами Булгакова и др. — В Мытищах (под Москвой) состоялась лекция для рабочих „О жизни и учении Л. Н. Толстого“ А. П. Сергеевко, с кинематографическим сеансом из жизни Толстого после лекции. В местной библиотеке устроена была „Толстовская выставка“, из портретов Л. Н., иллюстраций к его произведениям, надписей к его заветам и т. д. — В одном Детском Доме (в Никольском пер. на Арбате) не только состоялся Толстовский вечер, но, и устроена была своя Толстовская выставка: дети нарисовали портреты Льва Николаевича, сделали надписи из его книг и украсили ими стены своего жилища. — В Тихомировском Студенч. Общежитии на Царицынской ул. состоялся вечер с докладом о мировоззрении Толстого студ. Н. И. Иванова, с чтением отрывка из „Войны и Мира“ о медицине (болезнь Наташи) и пр. — Толстовские вечера и собрания состоялись также в Союзе Поэтов (бол. аудитория Политехнического музея), во Введенском Народном Доме, в зале бывш. ресторана „Яр“ на Тверской Ямской ул., в Дорпросвете Ярославской ж. д. и в целом ряде других школ и учреждений.

Все эти собрания и вечера, видимо, произвели известное впечатление на публику, как это можно судить хотя бы по следующему письму, поданному из публики на эстраду в конце последнего вечера „Комитета друзей Л. Н. Толстого“ в Большом зале Консерватории: „О, как благодарны мы вам, друзья Л. Н.

Толстого, за эти вечера. Ярким, светлым, бесконечно большим встает перед нами Л. Н. и близким, родным-родным, добрым. Невольно мысленно склоняешь перед ним колени, чувствуешь свою мизерность по сравнению с ним, и тянется душа к нему за помощью, за бодростью, за силой свободного духа. Да благословит вас Господь за ваш подарок нам — яркий образ Толстого. Отныне не так тяжело жить, в душе живет образ ласковый и бодро-радостный — образ Л. Н., и знаешь, что где доброе дело, там и радостная улыбка его. Большое и искреннее спасибо вам!

За пределами Москвы 10-летие со дня кончины Л. Н. Толстого отмечено было вечерами и собраниями в целом ряде городов, из которых нам известны пока: Киев (где, между прочим, был устроен трудовой „воскресник“ в память Толстого и вышел посвященный Толстому, прекрасно составленный № 2 жур. „Братство“ под ред. Н. Н. Апостолова), Владимир-на-Клязьме, Иваново-Вознесенск (где при местном музее открыта Толстовская выставка), Петроград (доклад А. Ф. Коня в Академии Наук), Тула, Полтава, Кашира, Звенигород, Орехово-Зуево, ст. Влахернская и др. Подробные сведения о том, как встречен был знаменательный юбилей в провинции, мы дадим в следующем № журнала.

Точно колокол ударил над Россией, и вспомнились великие ноябрьские дни 1910 г., а вместе с ними — и то вечное, мудрое, доброе, что завещал человечеству апостол любви и правды, апостол „человека и человечности“ Л. Н. Толстой. Среди тягчайших испытаний не истерся светлый образ в памяти человечества, и, видно, ничто уже не сотрет его!

Вести пробуждения.

Г. Бобруйск, Минской г. В г. Бобруйске и в уезде ведет большую работу по распространению религиозно-нравственного жизнепонимания в духе Л. Н. Толстого член Московского О. И. С. Андрей Никифоров. Чехольский (участник воззвания „толстовцев“ против мировой войны в 1914 г.). В самом г. Бобруйске Чехольским прочитаны были лекции о Толстом, а также запрещавшиеся при царском строе сочинения Толстого в Рабочем и Красноармейских клубах. В прениях участвовали местные коммунисты. Обе аудитории проявили большой интерес к лекции. В дер. Будчево, Бобр. у., А. Н. Чехольский провел целый ряд беседований о мировоззрении Л. Н. Толстого, читал отрывки из так наз. „Евангелия Толстого“, народные рассказы Л. Н.-ча и пр., поясняя слушателям прочитанное. Далее, в местечке Любониче Чехольским проведено было два беседования; первое — на тему о Толстом вообще, второе — на тему: „Сказка об Иване-Дураке“ Толстого, в связи с современностью“. Первая лекция, по желанию публики, была повторена. После выступления в Любоничах Чехольский приглашен был особыми ходоками, явившимися к нему из большого села, Бобруйского же у., Козулич, прочесть лекцию о Толстом и в этом селе. Он прочел лекцию и в Козуличе. Повсюду слушатели проявляли большой интерес к тем мыслям, которые развивал перед ними автор.

Г. Геленджик, Черномор. губ. После долгого промежутка мы получили сведения о жизни единомышленников на Черноморском побережье. Вихрем пронесли над цветущим краем кровавые события, смены властей и пр. Многие люди и предприятия погибли, но кое-что и уцелело. Особенно приятно было убедиться, что старая интеллигентная земледельческая община-артель „Криница“, основанная еще в 1886 году, существует и поныне. В ней проживает до 50 человек. Хозяйство ведется правильно, особенно по фруктоводству, хотя участок земли, которым располагает „Криница“, и уменьшился по сравнению с прошлым временем, т. к. часть земли была продана. С падением „белогвардейского“ правительства, вновь появившиеся коммунисты намерены, кажется, придать „Кринице“ типичные формы „советского хозяйства“, против чего общинники сильно восстают. Чем дело кончится, пока еще неизвестно. Председателем правления артели состоит Орион Сычугов, сын одного из основателей „Криницы“, родившийся и выросший в „Кринице“. Прежний председатель Правления, талантливый организатор Мих. Осп. Коган убит „белогвардейцами“, будучи арестован в то время, когда он явился к властям хлопотать об освобождении другого арестованного криничанина. История этого убийства — темная и до сих пор хорошо не выясненная.

Криница расположена верстах в 35 от Геленджика. Ближе к городу, на ст. Михайловский перевал, в горах, попрежнему уютятся несколько хуторян, единомышленников Л. Н. Толстого (семьи братьев Череватенко и др.), занимающихся преимущественно разведением фруктовых садов. Отмечают смерть от тифа молодого единомысленника Петра Череватенко, проживавшего одно время в Телятенках (Тульской губ.), в доме Чертковых. Неизвестно, смогут ли эти хуторяне, при изменившихся политических условиях, продолжать свое хозяйство на прежних основаниях.

Есть на Михайловском перевале и две небольшие общины: одна — во главе с известным

единомышленником Л. Н. Толстого Вл. Алр. Шейерманом, небольшая, почти из одних только членов семьи и родственников Шейермана, и другая, во главе с Ивановым, побольше, человек из 20. Проживавший в общине Шейермана известный последователь Л. Н. Толстого и проповедник его идей Федор Христофорович Граубергер (участник „толстовского“ воззвания 1914 г. против мировой войны) скончался от тифа.

Еще ближе к Геленджику, верст за 8 от него, близ так называемого Фальшивого Геленджика, проживает попрежнему с своей семьей, занимаясь сельскохозяйственным трудом, друг и единомышленник Л. Н. Толстого, автор прекрасных воспоминаний и нескольких статей о нем Виктор Лебрен. Как француз по происхождению, В. Лебрен одно время был арестован „белогвардейцами“ в качестве якобы „дезертира“, и отправлен в Севастополь, где находились французские войска. Оттуда Лебрен был увезен своими соотечественниками на румынский фронт, но, разумеется, это не заставило его принять участие в войне, и когда представители французского правительства поближе познакомились с ним, они отпустили его во-свояси. Лебрен вернулся в Россию и вновь занялся на „Фальшивом“, где он прожил много лет, тяжелым трудом земледельца.

Несказанно рады были мы получить все эти сведения от нашего друга П. А. Обрескова, недавно вернувшегося из служебной поездки на Кавказ и посетившего все упомянутые места. Шлем горячий привет всем кавкаским друзьям!

С. Промазна, Пензен. губ. В сентябре с. г. здесь образовалось О-во истинной свободы в память Л. Н. Толстого, в числе пока всего 7 членов. Предполагается собираться два раза в неделю, для чтения и беседований. Перед образованием О-ва устроено было собрание для всех желающих, на котором один из учредителей О-ва А. Лазарев прочел некоторые главы из книги И. И. Горбунова-Посадова „Освобождение человека“, статью М. Никитиной „Кто виноват?“ из № 4 жур. „Истинная Свобода“ и пр. „Дух автора статьи был с нами“, пишет нам сам Лазарев о чтении статьи Никитиной. Слушатели остались довольны чтением и выразили мнение, что „если бы побольше читали таких книг, то скоро бы у нас открылись глаза“.

Г. Витеб. Учредитель Витебского О-ва Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого В. Н. Карпов сообщает нам следующие, чрезвычайно интересные сведения о развитии интереса к свободно-религиозному миропониманию в Витебской губ.: „В Селищской, в. Городок. у. открыты О. И. С. и Кружок нравственного совершенствования в память Л. Н. Толстого.—Общество в дер. Кругое живет одним крестьянскими силами. Ставим пьесу Семенова и „От ней все качества“, „Власть тьмы“ и „Первый винокур“ Л. Н. Толстого.—Кружок нрав. тв. совершенствования в дер. Ворпаях ведет большую работу соответственно своему заглавию. У обоих, и у О-ва, и у Кружка—хорошо оборудованные библиотеки, читают книги. Обе организации—живые, привлекают внимание светом своим.—Открыт Кружок в дер. Горватие, Вышеской в., Городокского у. Глушь беспросветная! Работником в центре учитель Кананюк. В местечке Янозичи, Витеб. у., в школе 2-ой ступени — Кружок Достоевского и Кружок Толстого, где ведется серьезная работа изучения и духовных исканий среди учеников, учителей и со стороны проходящих.—В с. Храповичах и в с. Верховье, Витеб. у., открыты Кружки учителями. Начиная работу сознания Христа и Толстого. Так же и в с. Велашюзичах. —Недавно я прочел ряд лекций в г. Сенно, на учительских курсах и публичные, и потом, идя из Сенно в Витебск, прочел ряд лекций в деревнях. Народу в деревнях немного, не любят „лекторов“, ораторов, агитаторов и т. п., но расстались мы очень тепло и приходится переживать много хорошего“.

Г. Самара. В начале сентября с. г., по предложению группы местных единомышленников Л. Н. Толстого, здесь прочел лекцию о Толстом член Совета Москов. О. И. С. Алек. Петр. Сергеев. Лекция состоялась во „Дворце Труда“ и привлекла до 500 человек слушателей. В прениях после лекции выступили и самарские коммунисты; сочувствие слушателей, очевидно, было на стороне взглядов, выражавшихся лектором. В поданных записках выражалось желание повторения в Самаре лекций о мировоззрении Л. Н. Толстого.

Г. Сочи, Черномор. губ. Мы получили из Сочи следующее письмо за подписью Б. Я. Кудрявцева, В. В. Марковича и А. В. Калачева: „Дорогие друзья, обращаемся к вам из далекого Сочи, где, как, повидимому, и во многих других уголках России, есть близкие вам по духу люди. Чувствуется повсюду неудовлетворенность окужающей тах называемой „действительностью“, и люди мало-по-малу, все больше и больше начинают искать другую, настоящую *действительность*, заключенную внутри каждого из нас. Религиозно-нравственные искания порождают и другую потребность души человека—потребность духовного общения. Недавно был здесь в Сочи В. Ф. Загорский и рассказывал нам о деятельности О-ва Истинной Свободы. Мы увидели, как велики и насущны могут быть задачи такого Общества, как содействует оно современному духовному пробуждению, которое кажется особенно ярким на фоне густой тьмы ужаса и насилий, повсюду окужающей нас. Поэтому мы решили и здесь, в Сочи, основать маленькое Общество Истинной Свободы, которое, подобно Московскому, служило бы здесь центром для духовного общения людей, сочувствующих религиозно-нравственному миропониманию. Мы приняли ваш устав и просим зачислить наше новорожденное Общество в вашу семью“.

В приписке к письму сообщается, что Общество решило зарегистрироваться и что в настоящее время в него входит до 20 человек. Адрес Сочинского О. И. С.: Сочи, Черномор. губ., Опытная станция П. Х. № 7, Борису Яковлевичу Кудрявцеву для О. И. С.

Дер. Струково, Одерихин. вол., Владимир. губ. и у. Группа крестьянской молодежи образовала здесь О-во истинной свободы в память Л. Н. Толстого. Предполагается устраивать публичные собрания с чтением произведений Л. Н. Толстого и других книг. На первом собрании О-ва присутствовал, в качестве гостя, представитель и деятельный сотрудник О. И. С. в Орехово Зуеве

П. П. Петров. В письме учредителей О-ва (Ив. Калинина, Ив. Ивлева и др.) говорится: „Правда, по количеству членов наше О-во пока очень скромное, но мы крепко помним слова Христа: „Не бойся, стадо малое, на вас сам Отец Небесный благоволит“.— Будем своим слабым голосом, насколько хватит сил, звать братьев к источнику жизни, света и свободы“.

Г. Сырань. В Сызрани существует Публичная Библиотека имени Л. Н. Толстого, около которой группируются лица, близкие по духу Л. Н. Толстому. При библиотеке учрежден уголок имени Л. Н.-ча, нечто в роде маленького музея, где собраны портреты Л. Н. в гравюрах, открытках и т. д. В день 10-летия со дня кончины Толстого деятелями библиотеки предполагается устроить литературно-музыкальный вечер и детское утро в память Л. Н.-ча.

С. Трофимовское, Саранск. у., Пензен. губ. Здесь группой крестьян из 9 человек образована „Христианская Община в память Л. Н. Толстого“. Один из учредителей, Федор Дотолев, пишет нам: „Познав свое назначение и путь, по которому мне идти, из учения Христа в толковании Л. Н. Толстого, я познал себя, Познав же себя, я познал Бога. Познав же Бога, пребывающего во мне духом Своим, я не мог более противиться Ему и мешать Его работе, которую Он производит через меня и смысл которой в том, чтобы проявить любовь ко всему существующему. И потому, руководясь духом Бога, духом любви, я не мог более противиться высшему закону (совести), кот. один для всех людей и в исполнении кот. благо жизни. Отдавшись же воле Бога, я не мог более участвовать в злых делах мира сего, из которых более всего вредна и бесчеловечна, война. Теперь же, отделившись от мира сего, я счел нужным отыскать и соединиться с более близкими мне духовными братьями (хотя все люди— братья), чтобы объединенной силой духа легче решать задачу, давно стоящую гред человечеством. Ибо Царство Небесное уподоблено закваске, и с большей закваской скорее осуществилось бы!“

Г. Полтава. 10 сентября (28 августа) в Рабочем Дворце (бывш. Дворянское Собрание) был устроен вечер в память Л. Н. Толстого. Вступит. речь произнес друг Л. Н. Толстого И. И. Горбунов-Посадов, о Толстом, как о пророке братства и свободы (связав это со всем происходящим сейчас в России и на Украине). М. С. Дудченко говорил о Л. Н., как о религиозном человеке и общественном деятеле. Лектор Высшей Рабочей Школы Степанов — о Толстом, как о художнике. В литературно-музыкальном отделении исполнено было местными артистами: чтение отрывка из повести „Божеское и человеческое“ (казнь Светлогуба), чтение рассказа „Сила детства“ и на рояли — „Крейцера Соната“. Вечер произвел, видимо, сильное и цельное впечатление на публику из всех слоев, переполнившую зал.

Почти каждое воскресенье в Полтаве, в помещении вегетарианской столовой, происходят собрания учрежденного уже несколько лет тому назад „Общества друзей всеобщего мира“, на которых М. С. Дудченко, И. И. Горбунов-Посадов и др. делают сообщения по тому или другому вопросу. И. И. Горбуновым-Посадовым прочитан был в Полтаве ряд докладов учителям, — между прочим, против партийного и массового воспитания детей. Хутор М. С. Дудченко под Полтавой, где проживает теперь и И. И. Горбунов-Посадов с семьей, служит как-бы местным маяком для ищущих людей: то и дело на хутор заходят побеседовать посетители, интересующиеся мировоззрением Л. Н. Толстого.

Г. ЦАРИЦЫН на Волге. Зародилось здесь Общество Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого в июле 1917 года, по приезду местного единомышленника Л. Н. Толстого С. К. Кусмарцева из Саратова, где он при царском режиме отбывал наказание в камерной тюрьме за отказ от военной службы по религиозным убеждениям. Ютилось оно в книжном киоске З. И. Кусмарцевой. В этом же киоске устраивались первые маленькие чтения-беседы. В первое время собиралось 5—10 человек. Постепенно было создано издательское ядро, которое, обладая несколькими десятками рублей, приступило, смотря по времени, — к изданию листов и брошюр. Напр.: когда были призывы Керенского к наступлению, напечатаны воззвание единомышленников Л. Н. Толстого к воюющим народам в количестве 2.000 штук и роздали на станции и по городу. Начали организовываться женские ударные батальоны — Бочкаревой, — было напечатано воззвание З. Кусмарцевой к женщинам — 2.000 шт. Потом было напечатано обращение к духовенству (Александрова), „Мирная марсельеза“ антиимпериалист. стих-ние „Голос матери“ и др. — Когда же появились средства, — приступили к изданию брошюр. Были изданы книжки Л. Н. Толстого: Обращение к русским людям — 2.000 шт., Солдатская памятка — 3.000 шт., Истинная Свобода, 1-е издание — 2.000 шт., 2-е издание, с добавлением „Проезжий и Крестьянин“ — 5.000 шт., „Сказка об Иване дураке“ с прибавлением „Труд, смерть и болезнь“ — 5.000 шт., „Мирная война“ — Троицкого — 1.000 шт. Потом, при Октябрьской революции, было напечатано „Воззвание единомышленников Л. Н. Толстого к враждующим людям братьям“ — 5.000 шт. И все эти издания быстро расходились по народу, чему способствовали некоторые члены своим личным распространением по станции при демобилизации. Одно время было установлено постоянное дежурство на станции с литературой, потому что через Царицын проходило много демобилизованных. Почти бесконечные происходили беседы, прочитывались книжки, и порой не было возможности удовлетворить спрос на книги.

Итак, Общество до 15 марта 1918 года было как бы в зародыше. Членов было не более 15 человек. Собрания и лекции носили летучий характер. Лекции-беседы проводились в садиках, на углах улиц и иногда — по заводам. На заводах было прочитано до 10 лекций.

Но вот вступает в Общество Н. А. Париенко, который погрузился в работу. При его старании была отыскана квартира, и Общество приняло как бы легальный вид. В помещении Общества была создана библиотека, книжную торговлю тоже перевели в помещение, назначено ежедневное дежурство членов. Общество с открытием помещения начало быстро расти. Было приступлено Советом к организации постоянных лекций и бесед. Всю зиму 18-19 годов читались по

праздничным дням лекции-беседы на разные темы. Было прочитано до 25 лекций, в том числе С. К. Кусмарцевым — ряд лекций на тему „Этика Христианства“, с систематическим изложением учения Христа, выраженного Толстым (по книге В. Ф. Булгакова). В начале 1919 года организаторам удалось осуществить свою мечту, приступить к изданию ежемесячного журнала. С большими усилиями был составлен первый № журнала, названного „Путь к свету“. Напечатано было 1 го номера 5.000 шт. и в течение месяца он разошелся почти в одном Царицыне. Также был напечатан и второй №, который тоже быстро разошелся. Приготовлен был и третий, но по техническим обстоятельствам в печати отказали, и издательство журнала было прервано. Литература беспрерывно пополнялась из Москвы, от „Посредника“ и „Единения“. Книжечек разных названий разошлось в течение 17-18-19 годов десятки тысяч.

Посетители лекций-бесед, покупатели книжечек Толстого — все рабочие и солдаты. Удивительно, что интеллигенция почти не интересуется свободно-религиозными знаниями, а если интересуется, то большей частью лишь постольку, поскольку это касается насилия над ней и защиты ее животных интересов, и как только услышит, что нужно коренное внутреннее перерождение, то отходит. Рабочие же, волею судьбы поставленные в различные, несвойственные человеку условия, с жадностью читают и изучают выходы из этого невыносимого положения. Стали создаваться ячейки в разных местах. В них заводились библиотечки. И порой приходилось наблюдать со стороны и поражаться той жадности, с какой читались и слушались слова истины.

Весною 1919 года помещение делается малым. Людей, жаждущих услышать новую весть, растет все больше и больше. Они собираются по праздникам, не помещаясь, около дверей помещения. И Совет Общества вынужден был обратиться с просьбой во внешкольный подотдел за помещением. Внешкольный подотдел дал в пользование электро-театр, огромное зало. И вот, с апреля начались публичные лекции. Было прочитано 8 лекций. Зал, проходы, все было заполнено людьми. Несмотря на многочисленность и на отсутствие председателя, соблюдался поразительный порядок. Лекции слушались с огромным интересом. После лекции задавались письменные и устные вопросы; без всякой горячности спокойно и сообща разрешались. И чувствовалось, что по окончании бесед все уходило как-бы отдохнувшим.

Общество стало быстро расти количественно. В члены записывались из окружающих деревень крестьяне, случайно побывавшие на лекциях. Приезжая домой с книгами, они собирали единомышленников и устраивали тоже Общества; и таких Обществ образовано около 10. Все они связаны духовно между собой и чувствуется единство между собой.

С весны Советом был снят участок земли в 12 дес. и предложено желающим членам общества обрабатывать его. Записалось около 20 человек. Было посеяно: пшеница, просо, картофель и проч.

Вскоре Царицын оказался в линии обстрела, и город был занят „белыми“. Появилось желание опять возобновить лекции. Несмотря на объявления, никто почти не являлся, и эта попытка не удалась. Посыпались притеснения, приходилось перемещать несколько раз квартиру. Начались мобилизации новой властью. Несколько человек не пошли и за отказ от военной службы поплатились ссылкой в каторжные работы на разные сроки. Реакция нависла над городом. Власть стала, хвалясь, вешать „преступников“ на показ, — на углах улиц. Совет О-ва, собравшись, решил продолжать вести пропаганду; для этого за счет Общества было отпущено известное количество литературы и листов, которые и раздавались бесплатно. Нужно заметить, что власти „белых“ по линии фронта с отказывающимися от оружия поступали жестоко. Издеваясь, вешали или расстреливали. Так, были расстреляны учитель из с. Тишанки — Морозов и несколько человек из учебных отделений О. И. С., хотя точных сведений об этом пока не получено.

Была попытка одного из членов О-ва приклеить на улице около трупов повешенных текст статьи — „Христианство и смертная казнь“ Толстого, которая и упала; но по проществу двух дней статья была сорвана властью, и результатом этого была печальная жертва — расстреляли одного из братьев по подозрению.

В ноябре члены О-ва Кусмарцев и Латышов выехали в г. Харьков, где пробыли до весны 1919 года. В декабре 1919 года город опять был занят „красными“. Но Общество до приезда Кусмарцева не проявляло себя.

По приезде Кусмарцева жизнь О-ва опять обновилась. Немедленно был переизбран Совет, который принял за работу. Была подсчитана оставшаяся литература, распределены полномочия и налажена организационная работа. Напр.: в виду усиленной мобилизации появилось много отказывающихся от военной службы по религиозным убеждениям, с которыми „красные“ тоже почти не считаются, заключая их в тюрьмы, концентрационные лагеря и т. д. Были даже приговоры к расстрелам. Пришлось основать Комитет помощи заключенным и их семьям. Для изыскания средств образована сапожная мастерская „Воскресник“, где желающие мастера работают безвозмездно по воскресеньям, от 6 до 12 час. Плата за работу добровольная. В помещении О-ва снова начались лекции, которые и продолжают до сих пор.

Из изложенного видно, как широко и плодотворно развернуло свою деятельность Царицынское О-во Истинной Свободы. Нельзя не порадоваться этому успеху и не пожелать ему и впредь самоотверженным работникам на ниве истинного просвещения народа и возрождения его к лучшей жизни, основанной на сознании действительного, духовного братства всех людей.

Новые книги.

Н. Н. Гусев, „Жизнь и учение Льва Толстого“. Издание „Общества Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого“ и „Единения“. М. 1920 г. Ц. 100 руб. (175 страниц).

Автор этой биографии, бывший в течение двух лет (1907-1909 гг.) секретарем Льва Николаевича, при составлении этой книги поставил себе целью сделать ее наиболее доступной для широкого читателя, как по форме изложения, так и по объему, (от которого зависит и цена). Имея это в виду, автор вынужден был ограничиться весьма сжатым изложением, останавливаясь лишь на главных фактах внешней жизни Л. Н. Толстого и приводя выдержки из тех его писаний, которые наиболее ясно для каждого (даже малограмотного) читателя выражают взгляды Толстого по поводу того или иного жизненного вопроса. Несмотря, однако, на краткость внешнего описания, книжка Гусева первая из всех появившихся до сих пор в печати излагает точно и правдиво те стороны жизни Льва Николаевича, которые в прежде появившихся биографических очерках, — или искажались или вовсе опускались составителями их; таковы, наприм., история его отказа от литературной собственности, его завещания и ухода из родного дома.

Крупные выдержки из произведений по разным вопросам — религиозным, политическим, общественным и нравственным — придают особенный интерес и ценность этой книге, именно, в наше время, когда в продаже совершенно отсутствует литература Толстого.

Несомненно, для народа в его широкой массе, которую, и имел в виду составитель биографии, — наибольший интерес представляют те из писаний Толстого, где разбираются вопросы религиозные и общественные по преимуществу. Поэтому автору пришлось миновать многие художественные произведения или только вскользь коснуться их на страницах своей книги. Но зато трудно себе представить, чтобы в столь малом объеме книжки можно было лучше справиться с своей задачей в смысле существенности содержания и вполне ясного представления о ходе духовного развития и творческой работы Л. Н. Толстого, чем это сделано Н. Н. Гусевым.

Читатели наши, конечно, будут образованы сообщением, что тем же автором, Н. Н. Гусевым, предпринято, некоторое время тому назад, составление обширной биографии Толстого, главной задачей которой он ставит себе подробно проследить историю духовного развития Л. Н. Толстого, в которой он также намерен придерживаться возможно более доступной формы изложения. Этой способностью — простотой и ясностью слога, как известно, обладают далеко не все писатели, и этим счастливым даром особенно отличается язык Н. Н. Гусева. Но обширный — вероятно многотомный — труд над жизнеописанием Толстого, конечно, не может быть скоро закончен автором, и нельзя рассчитывать, чтобы это издание могло появиться в свет ранее 3-х лет, в особенности в виду отсутствия бумаги.

А пока, мы уверены, что появившаяся краткая биография встретит в среде наших читателей из народа радужный прием и прочтется с большим интересом и пользой для души.

Д. Ч.

„ИСТИННАЯ СВОБОДА“

Религиозно-философский, общественный и литературный журнал, издаваемый Обществом Истинной Свободы в память Л. Н. Толстого и Трудовой Общиной Коммуны „Трезвая Жизнь“.

Под редакцией Вал. Булгакова и Алексея Сергеенко.

Выходит не менее 1 раза в месяц.

Программа журнала: 1. Статьи по религиозно-философским вопросам. 2. Отклики на общественные вопросы. 3. Художественные произведения: рассказы, описания, стихи и пр. 4. Хроника свободно-религиозного движения. 5. Дружеское общение. (Письма, мысли, заметки и проч.) 6. Отзывы о новых книгах.

Журнал служит, прежде всего, делу духовного общения и единения между всеми, интересующимися свободно-религиозным жизнепониманием в духе Л. Н. Толстого, а также, вообще, свободному, и непредубежденному исканию истины, где бы и кем бы она ни выражалась, и развитию идеалов истинной свободы, на основе познания человеком своей внутренней природы.

В виду неопределенности и изменчивости цен на бумагу и типографские расходы, подписка на журнал не принимается. Различные номера высылаются по получении стоимости или налож. платежом. Цена № 1—15 р., 2—20 р., 3 и 4—25 р., 5—35 р., 6—45 р.

Цена № 7-го—75 руб.

Адрес редакции и конторы журнала: Москва, М. Бронная ул., д. 44. Книжн. складу Общины „Трезвая Жизнь“.

